

С. Мамур
ТАЛАРЫК
остается
В ДЕТСТВЕ

С.Таттур
ТАЛАРЫК
остается
В ДЕТСТВЕ
-ПОВЕСТЬ-

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Ёш гвардия» ● Ташкент — 1974

Эта повесть о молодежи, о дружбе, о любви, о юношах и девушках, которые прощаются со своим детством.

Вчерашние девятиклассники, а ныне — ученики выпускного класса проводят свои последние школьные каникулы.купаются и загорают, ходят в кино, увлекаются спортом, влюбляются, спорят и мечтают. Помогают любимому учителю и его больной дочери строить новый дом... И одновременно взрослеют, нравственно мужают.

Прощай, Тал-арык, река детства! Впереди новые плавания — по большой и широкой реке жизни.

I.

— Гена! — крикнул Кузьма в добротные ворота. Во дворе тяжело стукнулась оземь стальная болванка. Крадущиеся шаги, звон щеколды. Генка был в трусах и из-за двери выглянул осторожно, одним глазом. Кузьма вошел.

— Здравствуй!

— Здравствуй!— Генка завладел маленькой ладонью Кузьмы и стал медленно сжимать ее, сжимать и смотреть Кузьме в глаза. Кузьма присел, рванул руку к себе и вниз. Черт, он тоже каждое утро подолгу возится с гантелями, но куда ему до Генки! Поздно начал. И потом, Генка влюблен в свое ржавое, приятно утомляющее железо. Он накачивается с воодушевлением.

У брошенной болванки стоял Сали и улыбался. То же в трусах и тоже потный. У него с Генкой поединок, кто больше выжмет. Наверное, вечером Сали показалось, что он достаточно силен, чтобы победить, и прибежал пораньше. Рукопожатие. Сали, не в пример Генке, никогда не старается стиснуть ладонь до боли, хотя и он сильнее Кузьмы. На год моложе, а сильнее. И сложен — загляденье. Когда выходит на ринг, у болельщи-

ков вытягиваются шеи и вспыхивают глаза. В шестнадцать лет такие мускулы — заявка на большое спортивное будущее.

— Счет? — спросил Кузьма.

— Пятнадцать — одиннадцать. Сали слабак, — с удовольствием прокомментировал Генка. — Конечно, он прогрессирует, но не так быстро, чтобы достать меня.

Генка засмеялся, и его маленький аккуратный носик, сморщившись, побелел. Сали принял защитную стойку и сделал несколько молниеносных выпадов в его сторону, Генка попятился и сказал:

— Ну, давай, я вас двоих сделаю.

— Ха-ха-ха! — зашелся Сали. — Не смейся. Он нас двоих сделает! Ладно, ты первый.

Неплохой тактический ход. Кузьма соображает, сможет ли он поднять болванку хотя бы пять раз. Все-таки в ней двадцать восемь килограммов. Генка делает несколько шумных вдохов и вскидывает болванку на плечо. У него нерельефные мускулы, не то что у Сали. Кажутся заплывшими жирком. И кожа нежная, розовая, не принимающая загара. Но лучше с ним не бороться. Уложит на лопатки и еще посмеется. Генка отводит голову налево и начинает быстро, легко. Как будто болванка не стальная. Темп замедляет только на десятом жиме. В глазах Сали вспыхивает азарт. У Кузьмы частит сердце. Он сомневается, что поднимет это железо пять раз, а очень не хочется оплошать.

— Двенадцать, тринадцать, тринадцать, — считает Сали.

— Четырнадцать! — поправляет Генка и сбивается с дыхания. Рука дрожит, и весь он дрожит. Пятнадцатый жим идет еле-еле.

— Брось, брось, брось, — уговаривает Сали, и это звучит у него вкрадчиво, как «кис-кис-кис». Генка мор-

щится, хватает ртом воздух и идет на шестнадцатый раз. Теперь у него дрожат и ноги. Не осилил. Болванка летит вниз, провожаемая тяжелым вздохом.

— Это нечестно! — кричит он. — Зачем зудел под руку?

Сали смеется долго, заразительно. Как будто победа у него в кармане. Надо внушить противнику, что он слабее. Вначале болванка идет вверх у Сали так же легко и чисто, как и у Генки. Но замедление наступает быстрее.

— Не толкать! Жми без ног!

Выдыхаясь, Сали помогает себе ногами. Останавливается на двенадцати. Кузьма дотягивает до четырех. Неудобная, вредная болванка.

— Ура! — кричит Сали и бросается на Генку. Завязывается борьба. «Ну, опять, опять!» — раздается с крыльца дома. Генкин дед смеется. Вздрагивают кончики белых усов, светлеют глаза. Генка и Сали мгновенно успокаиваются. «В саду бы покопались, — говорит дед. — Почему вас не научат, что лопата полезнее?»

— В сад! — шепчет Генка. Он привык к послушанию и не видит, что старику нравится их возня. В саду хорошо, прохладно и какая-то особенная, строгая и величественная игра тени и света. Блики солнца. И можно потрясти урючину, попасться на клубничных грядках. Но Генка трясет урючину друзьям не каждый день.

— Покопаем? — предлагает Сали. Генка приносит лопаты.

— Ты бы сколько раз выжал болванку, если бы Ада смотрела? — спрашивает Генка.

— Больше тебя, спорим!

— Спорим. Позову ее и утру тебе нос. Чтобы не дерзил старшему.

Сали легко загорается, его ничего не стоит завести.

Генка не такой, Генка рассудительный. С учителями не спорит, склонит повинную голову и молча глотает нравоучения. А заводит Сали любит. Ему непонятно, как можно так горячиться. Из-за пустяков. Смолчи, и тебе же лучше будет.

— Ну, при чем здесь Ада? — краснея, говорит Кузьма. — Давайте копать.

Кузьме не нравится, что Генка так легко произносит имя Ады. Никакого благоговения, словно она его сестра или просто живет по соседству. Разве можно приглашать Аду, когда они жмут болванку? Ведь Ада не как все. На нее хорошо смотреть издали, и думать о ней тоже хорошо на расстоянии. Когда думаешь о ней, мысли сплетаются в сложный клубок. Это потому, что Кузьма не должен думать о ней и не должен оглядываться, когда она проходит мимо.

Земля вокруг деревьев мягкая, рыхлая. Генкин дед понимает толк в земле. «За Милкой зайдем?» — спрашивает Сали. После окопки деревьев они пойдут на Тал-арык. Милу, конечно, взять можно, пусть, хотя она и больно звонкая. И Сали, и Генка думают, что Мила нравится Кузьме, вот Сали и предлагает зайти за ней. Но она ему не нравится, откуда они взяли? Теперь не переубедишь.

— А стоит? — осторожно возражает Кузьма. Но у Сали на этот счет свои соображения. С Милой можно постучаться к Аде, а без нее они не осмелятся.

— Надо привыкать к женскому обществу, — наставляет Генка. — Вы же, тюлени, вальса до сих пор не осилили. К примеру, Аде на вечере захочется повальсировать, а ты, Сали, не умеешь. И вот она уже танцует с другим, и ей весело, а ты мучаешься, потеешь и мучаешься.

«Когда Ада начала нравиться Сали? — вспоминает

Кузьма.— С осени, с той поездки на хлопок? У них были соседние грядки. Ну и что? Они почти не разговаривали. А зимой он безбожно лупил ее снежками. Вначале она старалась убежать. А потом стала дерзко не обращать внимания. Он целится снежком и нарочно медлит, а она выше вскидывает голову и замедляет шаг, и видно, что ей нравится не обращать внимания и нравится, что она такая гордая. Он бросает снежок, она не отворачивается. Идет и не замечает ничего. И это его изумило. С тех пор, когда он смотрит на нее, он слегка приоткрывает рот. Теперь он старается быть рядом, просто попасться на глаза. Старается подсказать—ей, отличнице. Да, все началось зимой. Весной, на диспуте по Толстому, он был ее оппонентом и удивил и нас, и Михаила.

Старик поставил ему пять и долго не мог нахвалиться. И на всех вечерах, которые были весной, Сали танцевал или с Адой или вообще не танцевал. Генка проницательный, он первый увидел это. И с тех пор насмешничает. Насмешничает и очень старается помочь».

— Потряси урючину,— просит Сали. Генка не решается.

— Ген, потряси! — Сали умеет клянчить, но только у матери и у Генки. Кузьма не помнит, чтобы Сали клянчил что-нибудь у него. Генка трясет, не сильно, чтобы не услышал дед.

— Жмот,— говорит Сали. Но за оранжевыми плодами бросается, опережая Генку. Делится с Кузьмой, а Генке говорит, чтобы потряс еще. Кузьма смеется и стоит в стороне. Он выше этой возни.

Побросав лопаты, ребята спускаются к Салару, в который упирается Генкин двор. Быстрая вода отдавала затхлостью. Раньше они купались в Саларе. Да что купались — плавали на камерах от Нефтесиндиката до Тезикова базара, мимо бесчисленных дворов, отго-

рожденных от реки зарослями ежевики. Эти два километра извилистого русла, засоренного корягами, насколько мелье и один пережат казались им как бы выхваченными из другого мира, мира, в котором возможны приключения. Теперь та старая камера истлела, и их уже не привлекает Салар. Ну, совсем немного. В Саларе могут купаться только дети.

Сали ест урюк, а косточки кладет на камень и разбивает.

— У тебя сколько четверок?— спрашивает Генка. Вчера было итоговое родительское собрание, на котором, как и на всех предыдущих, было сказано больше ругательных слов, чем хвалебных. Но зачем столько охов, если обошлось без второгодников?

— Пять. А у тебя шесть. Если ты разрешишь мне обтрясать урючину, я, так и быть, займусь с тобой английским, как сознательный комсомолец, помнящий о том, что человек человеку, то есть ты мне— друг, товарищ и брат. У тебя ведь нарисованная четверка. Англичанке жалко тебя. Ты такой большой и ничего не знаешь по-английски.

Это удар. Сали мстит за частое упоминание об Аде.

— А Михаил, скажешь, не завывает тебе? Ты не знаешь литературу на пять. И до Ады тебе далеко.

Кузьма не участвует в этом споре. У него одна четверка, по геометрии, да и ее могло не быть. Надо было лишь попросить математичку, чтобы вызвала еще раз. Но он не попросил — дурацкая стеснительность. Да только ли стеснительность? Эта четверка справедливее пятерки, которую он мог получить. Ада — отличница без всяких натяжек.

По Салару горлышком кверху плывет бутылка, пружиня в такт волнам. Уже хлебнула воды.

— Перископ вражеской подводной лодки!— кричит

Кузьма.— Быстро, враг может дать торпедный залп. По противнику...

Рядом с бутылкой тяжело бухнулся камень, затем второй. Вражеская подводная лодка в кольце разрывов. «Враг маневрирует! Враг уходит! Пли!» Звон стекла. И на водной глади уже нет перископа.

— Лиля! — изумленно произносит Генка. — Все видела. Она все видела!

Он тянет друзей назад, в спасительную тень сада. Лицо его заливают краской. Он чувствует себя так, словно его застали за недозволенным. Лиля стояла на берегу с пустым ведром. Наверное, мыла полы. Конечно, все видела. Какая она высокая и худая. Прозрачная девушка. Тень в платье. Михаил часто говорил о ней на уроках.

Лиля была единственной дочерью Михаила и болела туберкулезом. Скрытые ветвями, ребята с болезненным любопытством смотрели на нее.

— Тяжело с ней Михаилу Артемовичу, — сказал Сали.

— Без нее было бы в сто раз тяжелее, — сказал Генка.

— Если бы помогло, я бы кровь ей дал, — сказал Сали.

— А я? — сказал Кузьма.

— Ну вас к черту! — взорвался Генка. — Я бы, я бы! Трепачи. Не климат ей жить у Салара. Дом у них — саманная развалюха, одна комната. Как будто не знаете. Зимой, сколько ни топи, больше чем на пятнадцать градусов не натопишь.

В звонком голосе Генки новые интонации. Он как бы стыдился своего бессилия. Перед ним был угасающий человек, тень в платье. Он хотел помочь, но не знал как. И чувство бессилия стыдило и злило его.

II.

Лиля улыбнулась ребятам, повернулась и пошла к дому. Генка проводил ее долгим взглядом. Она не разучилась улыбаться. Для мальчиков это было открытием. «Она не все время чувствует, что больна, — облегченно подумал Кузьма. — Но в каком доме они живут! Ей нельзя жить в таком доме. Почему Михаил не чинит?»

— Что, отчалим?— сказал Сали.— Ген, мы ведь все сделали?

Он вынуждал Генку сказать «да». При желании можно найти в саду уйму работы, но это была бы работа для любителя. А из ребят ни у кого, даже у Генки не было большой привязанности к саду. Обтрясти урючину — другое дело, в этом они всегда помогут и доберутся до самых высоких, самых тонких ветвей. И, кроме того, на Тал-арык тяжело идти в полуденную жару.

— Берем марлю, пескариков подбредем!— предложил Кузьма. Взяли марлю. Генка сказал деду, что они пошли. Он был приучен к дисциплине. На улице к ребятам пришло ощущение полной свободы. Теперь не существовало ничего такого, что они должны были делать. Только то, что им нравится и хочется. А на Тал-арык им хотелось всегда. К этой узкой, причудливо извивающейся речке, по берегам которой росли рощи исполинского тала, они не могли привыкнуть. Разговоры о Тал-арыке начинались еще зимой. Даже зимой мысль о Тал-арыке могла вызвать прилив энергии. Теперь же, в каникулы, симпатичная эта речушка становилась как бы их собственностью, и они часами пропадали на ней.

Миля вышла сразу.

— Привет, мальчики! — сказала она всем и сунула Генке сетку с едой. — Понеси, у тебя шея толстая. А

марлю взяли? Молодцы. Пескарей едят? Они какие? Такие? Меньше? Чур, я первая ловлю!

На ее хорошеньком, очень живом веснушчатом личике было написано нетерпение. Кузьма, однако, подумал, что лучше было бы пойти самим. Милка уж очень привыкла верховодить. Как же, секретарь комитета комсомола школы, общественница, заводила. Даже эти походы на Тал-арык готова занести в свой актив.

— Мила, нам еще... надо зайти за одним человеком,— говорит Генка. Кузьму коробит от его слоновой конспиративности. Как будто Мила не знает, кто этот один человек. Она усмехается. Понимает, в чем дело, но не одобряет и не поддерживает.

— Этот человек ждет?

— Понимаешь, мы...

— Хотите экспромтом? У нее всегда дела, можно не пробовать. Но, чтобы у вас не было кислых лиц, давайте. Ребятки, как же вы еще трусоваты! Мне, вашей комсомольской богине, стыдно.

Теперь Кузьма старается идти последним. И Сали старается идти последним. А Мила с Генкой вырываются вперед, им что. Стучать, конечно, будет Мила, и просьба, конечно, будет исходить от нее. Иначе... Нет, из них никто не решится. Постоят, помнутся — и прочь, как от заколдованного места. А Мила сидит с Адой на одной парте, кстати, не без пользы для себя, и они почти подружки. Мила с Генкой о чем-то шепчутся. Сали и Кузьма молчат, а Мила терпеть не может, когда молчат. Не представляет, как это можно идти рядом с человеком и молчать. У нее беспокойные рыжие кудри, на шее тоже рябь золотистых веснушек. В лучах солнца ее волосы похожи на костер, оранжевый костер осени. Она хороша и, конечно, знает об этом. Взрослая, почти женщина. И требует, чтобы к ней относились как к

взрослой. О чем она жужжит Генке, о чем Генка жужжит ей?

Кузьма покосился на Сали. Сейчас Сали строг, почти неприступен в своем полном предчувствий напряжении. Его мысли рядом с Адой. Как они постучатся, и что она им скажет, и как они будут настаивать, если она не согласится сразу. Впрочем, настаивать бесполезно. Но они постараются уговорить, проявят упорство, особенно Генка. Генке тяжело дается только первое слово, дальше он шпарит и шпарит. Хочется остановить, но ведь это он для тебя старается, как друг и приятель — из всех сил, до бисеринок пота на маленьком носу.

Ада живет в большом доме на четвертом этаже. Каждый шаг по лестнице как гулкий удар сердца. В стенах подъезда словно спрятаны усилители, превращающие в водопад звуков каждый простой звук. Или это потому, что здесь живет Ада? Обыкновенный подъезд, обыкновенная лестница, и одновременно такое сильное предчувствие необыкновенного. Откуда оно?

На подходе к четвертому этажу Генка успел спрятаться за спину Милы. Мила с готовностью втопила кнопку звонка. «Трусите, черти?» Ей немного непонятно это странное благоговение перед Адой. К ней, например, стучатся без стеснения. Неужели в Аде есть что-то такое, чего она не уловила до сих пор? За дверью мягкие шаги. У Кузьмы холодеет сердце, у Сали — тоже. Что-то похожее бывает на экзаменах. Учитель задал вопрос и смотрит на тебя, и ты плывешь, хотя знаешь ответ — плывешь и напрасно ищешь сочувствие в его строгих глазах.

Ада стирала, ее руки были в радужных, медленно лопающихся пузырях мыльной пены. Но ей шли и ситцевый халат, и клеенчатый фартук, и косынка, под которой аккуратно уложена толстая коса. «О, здравствуй-

те!» — певуче сказала она, пряча руки. И улыбнулась, чуть-чуть, уголками губ и уголками глаз. «Она улыбнулась мне», — подумал Сали. «Она улыбнулась мне», — подумал, замирая, Кузьма. «Идем с нами, — сказала Мила. — На Тал-арык. Будем купаться, загорать, ловить пескарей. Соглашайся!»

Сали смотрел на Аду строго, даже удивленно. «Ну, идем же!» — упрасивали, умоляли его глаза.

Я ведь стираю, — обезоруживающе сказала Ада. — Не могу.

«Гордая, — подумал Кузьма. — Какая она гордая. Каждый поймет, что она гордая. Гордая, но не гордячка. Она сожалеет, но не может иначе. Настаивать бесполезно».

— Кхе, гм, позволь, постой, — откашлялся Генка и сделал робкий шаг вперед. — Нет, Ада, вы... ты должна с нами пойти. Какие-нибудь четыре часа. Мы поможем, когда вернемся. Ты была на Тал-арыке? Нет? Очень много потеряла. Это особенное место, как пить дать, кхе, гм...

— В другой раз, хорошо? — сказала она. — Если бы вы предупредили. Теперь надо кончить, я не могу перекладывать на маму.

Ее отказ никого не обижал. Им следовало позвать ее еще вчера, быть расторопнее. Сами виноваты. Но Генка продолжал уговаривать, он бесподобно тянул резину, когда не надо. «Ну, мы пошли», — обрывает Мила поток Генкиного красноречия. Она реалистка и вполне удовлетворена результатом. Ведь она говорила.

— А что у вас есть почитать? — вдруг спросила Ада.

— Мы посмотрим... занесем вечером, — мнется Сали.

Должно быть, его тоже мутит от Генкиного красноречия, ведь он бы все, каждое слово сказал иначе. «Пожалуйста», — говорит Ада. Сали взволнованно пере-

минается с ноги на ногу. Он доволен. Вечером у Ады будет много книг. Мила кивает Аде и начинает спускаться. Нетактично — они еще не завершили переговоры. Сама небось не видит своей нетактичности, ей, вообще, чужд самоанализ.

— Так мы зайдем... принесем... — мямлит Сали.

— Всего хорошего! — напутствует Ада.

Генка тоже повернулся и уходит, предатель. Ада кивнула и закрыла дверь. Наверное, сожалеет. Она и от двери еще не отошла, не было ее мягких шагов по коридору. «Пошли!» — Кузьма тянет Сали за руку. Сали хочется согнать с лица глупое выражение счастья. Он похож на ребенка, которого только что погладили по головке — ребенок потянулся, чтобы погладили еще, но больше не погладили, и тогда оказалось, что достаточно и одного раза.

— Я говорила! — торжествует Мила. — У нее всегда дела.

— Да, пропорции у девочки. Халат, косынка, руки в мыльной пене, а ведь проглядывает что-то высокое, — замечает Генка. И отпрыгивает от Сали. «Первый разряд по гимнастике, чего вы хотите?» — недоумевает Мила. Она вполне довольна своей фигурой, и ей немного обидно, что на долю Ады выпадает столько наивных мальчишеских восторгов. «Ада молодец», — говорит Кузьма. Но говорит между прочим, чтобы никто не догадался про его заинтересованность. «Мы напрямик, через взлетную полосу?» — он хочет, чтобы перестали говорить об Аде. Потому что слова ничего не передают. Ада совсем не то, что думают о ней Генка и Мила. Вот Сали кое-что увидел. За отличницей и гимнасткой он увидел человека тонкого и доброго, главное, доброго, умеющего помочь и с достоинством принять помощь и в то же время знающего, что такое он и что такое дру-

гие люди. «О Миле можно сказать, что она кого-то напоминает, — сопоставлял Кузьма. — И о Генке можно это сказать. И обо мне. Да, пусть и обо мне, пусть я как все. А вот об Аде этого не скажешь. Она — это она, и дело совсем не во внешности. Милка тоже красива, и по одной внешности нельзя отдать предпочтение Аде. То есть, я бы отдал предпочтение ей и по внешности, но дело не в этом, внешность ничего не решает. Своего индивидуального, в чем и заключается истинная ценность человека, в Аде больше. Мила, при всей своей энергичности, не привыкла глубоко задумываться, ей все всегда ясно...».

— Кузя! — позвала Мила. — Ты чего отстаешь? Идемте все рядом. Ребята, как вам «Три мушкетера»? Правда, она бесподобна?

— Кто она? — спросил Кузьма. — Там несколько бесподобных.

— Там все бесподобные! — расплылся Генка. — Но Мила имеет в виду рыженькую, похожую на нее. Эта рыженькая самая бесподобная.

— Между прочим, ее звали Констанция Буанасье, — сказал Кузьма. — Или ты имеешь в виду леди Винтер?

— Ген, ты получишь, — пообещала Мила.

— Д'Артаньян — это человек, — сказал Сали. — Всех делал как хотел и всегда улыбался. Таким и должен быть мужчина.

— Мадам, можно, я заменю вам мужа? Это у него неплохо, неплохо получалось.

— Генка, схлопочешь по толстой шее!

— Надо быть сильным не просто, ну, не ради себя, не ради личного взлета, а во имя чего-то большого, чтобы всем была от этого польза, — сказал Кузьма. — Д'Артаньян во всех своих приключениях был себе на уме.

— Личная заинтересованность — великий фактор,— сказал Генка.

Им преградил путь поезд, бесконечный состав поезда. Вагоны неторопливо плыли по переезду, от них пахло машинным маслом, пылью и теплом набравшего скорость металла.

III.

— Помните, как мы с хлопком... на товарняке?— сказал Сали.— Автобусов ждать не стали. Только бросили в тамбур рюкзаки, а он рванул и давай жать. Мелькание и качка. Как в море.

— А как в море?— невинно спросил Генка. Сали не видел моря.

— Хочешь бокс?

— Нет, ребята, Констанция из «Трех мушкетеров» мне все же понравилась,— сказал Генка. — Обаятельная плутовка. Она родилась специально для Д'Артаньяна.

— Думаешь, обольстить его — это подвиг?— спросил Кузьма.

— Такие бегали за ним десятками, — сказал Сали.

— Десятками! — Милу покорило. — Такая одна была на весь Париж.

— А леди Винтер? Она тоже одна была на весь Париж.

— Что такое подвиг? — спросил Генка.— Если разобратся, в любом подвиге только необходимость. И потом, человек думает о славе, а жажда славы подталкивает. Потом, за подвиги награждают.

— Сказанул, ха! — запротестовал Сали. — Пусть бы не награждали, пусть бы и славы не было, а люди бы совершали подвиги. Понял?

— Правильно!— сказал Кузьма, волнуясь.— Способность на подвиг идет от любви к людям, это неотделимо от человека. Подвиг — это особый, ну, самый высокий вид честности. Твой отец, Сали, совершал подвиги, и наш Михаил. Что, они о славе мечтали, о наградах? О нас они думали — в это я верю. О нас, которые еще не родились. А вы — Д'Артаньян, Д'Артаньян! Он, служа королю, никогда не забывал и о своих интересах.

Генка стукнул Кузьму по плечу, что означало полное согласие. Впереди мощно заревел реактивный. Большой самолет с высоким хвостом и длинным рядом иллюминаторов готовился к прыжку в несколько тысяч километров. Рев двигателей, еще усилившись, перекрыл человеческие голоса. А как стартует ракета? Громоподобно. Ребята притихли. Они думали о своем, но их мысли были связаны с этим самолетом. Генка и Мила видели себя в пассажирских креслах. Сали — в кабине пилота. А Кузьма думал о корабле, способном оторваться от Земли и рвануться в неизвестность. Посадка на загадочный Марс. Нет, еще дальше...

Рев двигателей стал быстро перемещаться. Над крышами домов и дрожащими кронами деревьев возник самолет. «ИЛ-62» вонзился в небо.

— Сила, — сказал Генка. — И вся эта махина опирается на воздух.

— Отец сейчас летал бы на нем.

— И ты полетишь на нем, — сказала Мила. — Нет, на «ТУ-144», на сверхзвуке. Ты ведь собираешься в летное.

— Он полетит на истребителе. Есть такой, называется всепогодный перехватчик с изменяющейся геометрией крыла. Ему перейти на сверхзвуковую, что

шоферу переключить скорость с третьей на четвертую, — разъяснил Генка.

Взлетное поле было в километре от авиагородка. Оно было здесь всегда, бетонное, широкое, и ночью его обозначали ряды сигнальных огней. Поле выстреливало в небо самолетами. Где-то в начале его была тугая тетива, и с интервалом в две-три минуты она давала самолетам разгон. А вот отец Сали помнил это поле без бетонных, исчерканных колесами плит. Помнил «ЛИ-2», садившиеся прямо на грунт и поднимавшие тяжелые шлейфы пыли. И помнил трофейные немецкие самолеты, стоявшие здесь после войны — они уже никому не были страшны. Еще один взлет. Несколько секунд дрожит и вибрирует воздух, потом все затихает. И в уши врываются самые обыкновенные звуки: шелест ветра, чириканье воробьев и далекие крики женщины, зовущей ребенка.

Последняя водоразборная колонка на пути к Тал-арыку. Сколько раз они радостно припадали к холодной струе, сколько раз ускоряли шаг на жаре, зная о том, что вода теперь близко! Авиагородок остается позади, они идут вдоль взлетного поля. Перебежать его нельзя — мелкое хулиганство, а обойти — пожалуйста. Далеко справа, перед куполами ангаров, блестят на солнце ряды самолетов. Их много, больших летающих кораблей. Ребятам нравится ходить на Тал-арык еще и потому, что дорога — через аэродром. Провожая взглядом самолеты, можно думать о далеких городах, о странах, где вечное лето и куда можно попасть, если стать пилотом, геологом, строителем или моряком. Самолеты помогают чувствовать объемность планеты, ее простирание на все четыре стороны света. И одновременно — ее сферичность, замкнутость воздушного океана. Для них Ташкент —

один из сотен городов, и в нем они гости, а настоящий их дом — прозрачная синь над головой, вся планета, купающаяся в этой прозрачной сини.

— Когда-нибудь и мы летаем, — говорит Генка. — Я лично, если позволят финансы, каждый год буду греть спинку где-нибудь в Сочи. Море, пляж, публика.

Что-то никто не загорелся. Подумаешь, пляж на Черном море. Очень доступно. Настоящие люди летают в Антарктиду или зимуют на льдинах в Арктике. Вот где жизнь.

За аэродромом, на буграх, еще цвели маки. Алое пламя маков, скрывающее бугры. Сарьян великолепно передает такие краски. Ветер срывает и уносит легкие лепестки. Ветер клонит маки к земле, и они облетают.

— Сали, тебе скоро выступать? — спросила Мила.

— В августе. Будет первенство Ташкента. Приходи болеть.

Кузьма вспомнил один из боев Сали. Против него выступал молодой второразрядник из Чирчика, крепкий напористый парень. Но Сали был техничнее и лучше понимал бокс. Сали умел импровизировать. И одной силы и напористости чирчикского хлопца оказалось мало. А, вообще, бой был захватывающий. Боксеры выкладывались, публика, конечно, подбадривала Сали. У Кузьмы бешено колотилось сердце.словно это он наносил и получал удары, словно ему, а не Сали, не хватало воздуха. Это было сильное ощущение, что ни говори. Когда судья поднял руку Сали, Кузьма был так же изнурен, как и его друг.

— Кузьма, почему бы и тебе не заняться боксом? — сказала Мила.

— Не потяну.

— Слабак! — ей нравились безапелляционные суждения.— Если кто полезет, ты не отобьешься.

— Отобьюсь,— сказал Кузьма без особой твердости.

— Мила, разве боксом занимаются для того, чтобы красиво дать в морду? — спросил Сали. — Извиняюсь.

— Ты извиняешься, но ты первый драчун,— сказала Мила.— Помнишь, в трамвае? Мы тогда ехали вместе. Он был пьян и приставал ко всем подряд, а сам такой здоровяк. Ты попросил его быть потише. «Сиди спокойно, сопля,— сказал он, — а то обижу». А ты преподнес ему, снизу вверх. Он очухался, когда его выбросили на остановке.

— Классный апперкот,— вспомнил Кузьма.

— Ну, это не заслуга. Это потому, что я не выношу нахалов. Меня мутить начинает. Не вмешайся, сам себе стану противен.

IV.

Тал-арык петлял в полукилометре от взлетного поля. Шириной шесть-семь метров, он был извилист, как степная речушка. На зеленых его берегах росли могучие ивы, в их глубоких дуплах мог спрятаться человек. На ивах гнездились иволги и синегалки. Здесь уже был сельский пейзаж, и только неумолчный рокот самолетов напоминал о близости города. Местами Тал-арык переходили вброд. А местами, у крутых берегов, глубина достигала двух метров. Здесь вода величественно двигалась по кругу. Купались только в таких местах. Их легко находили по примитивным глиняным трамплинам, построенным руками мальчишек.

— Как здесь чудесно! — воскликнула Мила, когда ей сказали, что эта речушка и есть Тал-арык, — А травы, травы! И никто не рвет. Я буду кувыркаться.

— Не косит,— поправил Генка.— Не наступи на что-нибудь. Здесь проходят коровы, они оставляют мины замедленного действия.

— Генка! Без таких намеков.

Запела иволга, и Мила остановилась и зажмурилась. У иволги нежный, мечтательный голос, и деревья, на которых она вьет гнезда, перестают быть просто деревьями и становятся деревьями из сказки. И можно думать о разном-разном, слушая напевный голос иволги.

Их место было возле рощи тутовника.

— Ну, раздеваемся,— сказал Генка у невысокого трамплина, под которым медленно кружилась вода.

— О, здесь ныряют! — восторгам Милы не было предела. Она была готова громко расхваливать каждую травинку, каждый кустик. Кузьма подумал, что Ада восхищалась бы про себя. Почему и Генка, и Сали вбили себе в головы, что ему нравится Мила? Нравилась — другое дело. Но эта вспышка быстро погасла, а почему — он не задумывался. Они и друзья не стали настоящими. Ну, ходил с ней два раза в кино. Но в какой-то момент он, заколебавшись, сделал шаг назад, торопливый и ужасно некрасивый. А друзья продолжают стараться. Пригласили вот ее сюда. Ведь и у Милы к нему нет ничего, разве какая-то инерция, оставшаяся от недавнего пристального любопытства. Ей нравятся парни смелее, смелые до грубости, которые не просто зовут в кино и не просто провожают, а видят в этом повод, чтобы предложить дружбу, взять под руку, обнять, наконец. Конечно, она не позволит, но это вовсе не значит, что она не думает об этом.

Генка разделся первый. Из-под трусов торчали тонкие для такого сильного тела ноги. «Ген, а ты толстенный! — сказала Мила. — Умеешь завязывать жирок».

Генка молча втягивает живот. В глубине души он, конечно, завидует, что у него не так складно вылеплена фигура, как у Сали. Пусть он сильнее, но он и на два года старше, и весит больше на шесть килограммов. Сали и бегают быстрее, и лучше плавает, потому что развит гармоничнее. А у Генки сила — одностороннее качество. Бросается в глаза, но не украшает.

Сали, раздевшись, сразу ныряет — греет воду. Его бронзовое, ладное тело без всплеска уходит вглубь. Рыбий, отточенный прыжок. Мила смотрит ему вслед, приоткрыв рот. Кто знает, может быть, парень, которого она видит в своем воображении, как две капли воды похож на Сали. Пусть не лицом, но телом непременно. У Сали и лицо красивое, благородное.

Кузьма ныряет следом. Вода еще холодна, но если быстро работать руками, этого не чувствуешь. В заводине тесно. Несколько энергичных гребков, и под пальцами песок берега. Вот на Чирчике Кузьма показал бы, что он пловец. Там есть где развернуться, там он обгонял Сали. Но ныряет Сали лучше. Может пробыть под водой больше минуты и с открытыми глазами.

Сали плеснул в Генку водой, Кузьма тоже. Генка скорчил гримасу и плюхнулся в воду. И началось: они брызгались, стараясь попасть в глаза, и подбадривали себя криками. Генка первый выскочил на берег, поддерживая руками сползающие трусы. Ребята легли загорать.

— Мила, у Генки резинка порвалась.

— Чего ты врешь! Ну, гад!

Мила стояла в синем купальнике и вкрадчиво, как-то ново для себя, улыбалась. Знала, что производит впечатление, и наслаждалась этим. — «Да, — сказал, чмокая губами, Генка, — ты, Кузя, не сплеховал, не сплеховал».

— А при чем здесь я? — тотчас возразил Кузьма.

— Ада лучше, — сказал Сали.

— Каждый кулик,—затянул было Генка, но передумал и решил зайти с другого фланга. — Представляю: Ада в твоей душе — недосыгаемая вершина, По-твоему, лучше Ады и девушек нет?

— Конечно, — улыбнулся Сали и щелкнул Генку по носу, чтобы не спорил. Что за дурацкая привычка спорить там, где все очевидно? Генка бросился на Сали. Короткая схватка, и они снова улеглись рядом. Мила все еще стояла, поеживаясь.

— Мила, у нас не бывает конкурсов красоты, и ты много теряешь, — сказал Генка, узревший вдруг возможность более тонко поддеть Сали. — Первый приз был бы твой единогласно.

— Лъстец, кривляка и лъстец! — прошипел Сали.

Комплимент подействовал. Мила гордо кивнула золотистой головкой и медленно вошла в воду. «Почему я уклонился тогда от шага, который бы сделал нас друзьями? — подумал Кузьма, вспоминая, как он провожал Милу после кино. — Ничего не стоило взять ее под руку, я угадывал ее молчаливое поощрение. А я не застенялся, здесь другое. Я не захотел. И не захотел потому, что она не слушала и не пыталась понять меня, а сама говорила о таком незначительном, что мне даже неловко было слушать. Что-то о моде на брюки, расширяющиеся книзу, и что я должен перешить свои, и о каких-то финских свитерах крупной вязки, которые бы ей пошли, так пошли, что обалде-

ешь, и о туфлях. Еще бы о нижнем белье, для комплекта. Я подумал, что если парень первый раз провожает девушку, между ними не может, не должно быть такого мелочного разговора. И не стал стоять с ней у калитки. Она была обижена и пробовала уколоть, но я делал вид, что она имеет в виду не меня. Не принимал вызова».

— Нет, Мила — это девчонка,— подумав, еще раз сказал Генка.

— Кузьма, он клонит не в ту сторону, — сказал Сали. — А у самого, понимаешь, резинка на трусах порвалась. Такие, с порванной резинкой, всегда с подвохом.

Генка тоже приснул.

— Слушай, Ген...— запинаясь, Кузьма перешел на шепот. — У нас с ней ничего нет, правда. Если она тебе по душе, ты действуй, пожалуйста. Я серьезно. Я буду рад, если вы станете друзьями. А то вы с Сали стараетесь для меня, а не надо этого, ни к чему. Не будет у нас дружбы, не получилось и уже не получится.

— Так она тебе нравилась! — с Генкиной точки зрения, зачем же тогда было все то, предыдущее, в котором и он принимал участие?

— Значит, не нравилась, — разъяснил Кузьма. — Она хорошая девчонка, но у нас ничего не получилось. И теперь я ее никуда не зову. Я бы и сюда ее не звал, это вы постарались.

— Гм... — буркнул Генка. — Дети мы еще, вот что. Толком не знаем, чего хотим.

— Давайте ловить пескарей! — позвала Мила. — Ген, тащи марлю. И вы тоже, хватит греться.

— Гена, иди!— сказал Кузьма.

— Не заставляй даму ждать, это неприлично,— сказал Сали.

Однако поднялись они втроем. Кузьма смастерил кукан, Сали готовился преподнести другу добрую порцию полезных советов, главным среди которых был — не забывать о слабой резинке. Придерживая трусы, Генка влез в воду, поманил Милу на мелководье и развернул марлю. Они взялись за четыре угла и стали вести марлей по дну. Вода доходила Генке до плеча, Миле до подбородка. От усердия она даже хлебнула разок, но стерпела и промолчала, чтобы не вызвать смеха. Первый заход был удачен: в марле остались четыре жирных пескарিকা и один व्यюн, длинный и скользкий. У Милы жадно загорелись глаза. Она еще не была на настоящей рыбалке.

— Их варят? — крикнула она.

— Так едят,— серьезно сказал Сали.— Брось одного, покажу.

У Генки дрогнули губы, он не умел сдерживаться. Мила подняла восторженные глаза и увидела, что ее разыгрывают.

— Сашка, ты нахал, — сказала она. Когда она сердилась, Сали у нее превращался в Сашку. — Будешь дразниться — утоплю.

Второй заход принес двух пескарей, третий — одного.

— Выдыхаетесь! — смеялся Сали.— По дну ведете, упускаете!

Несколько новых заходов были пустыми. «Я короткая! — взмолилась Мила,— Мальчики, давайте, кто-нибудь из вас!»

У Сали с Кузьмой получалось немного лучше. Они загребали с середины и уверенно шли к берегу. Если не спотыкались и не падали, вынимали двух-трех зазевав-

шихся пескарей. Конечно, их следовало выбрасывать назад. Все равно пескари не вырастают в настоящую рыбу.

— Вот на Сырдарье была рыбалка! — время от времени говорил Сали.— В озере Калгансыр рыба так и кишит.

— И на Коксу! Форель шла и шла!

Сейчас же ловились только пескари, имеющие, правда, одно достоинство: в воображении они становились настоящей рыбой, которой можно хвастаться перед кем угодно.

V.

Еда, лежавшая на развернутой газете, выглядела аппетитно. Буханка хлеба, когда ее брали в магазине, была еще теплая. Крупные столовые помидоры светились изнутри. Кулек с яблоками из Генкиного сада, кулек с конфетами. Колбаса.

— Налетайте, хлопцы! — Мила подала пример.

— Помните, какого сазана я взял на озерах? — сказал Генка.— Три кило, как поросенок. Не ерепенился, до того был нагуленный.

— Он был больной и собирался сдохнуть,— сказал Сали. Ему доставляло удовольствие подначивать Генку. Это привязывало их друг к другу, врозь они скучали.

— А ты дергал одних красноперок!

— Ген, зачем ты так? Если тебе попался сазан, который собирался «улди», что здесь такого? Не стоит переживать, бывает.

Генка поперхнулся, и Сали звонко хлопнул его по спине.

Кузьма поймал себя на том, что уже минуту смотрит в вырез Милиного купальника, на оливковую ложбинку, разделявшую груди. Он страшно покраснел, как

будто его застали за неприличностью. Отпрянул и спрятался за Генкину спину.

— Кузя схватил что-то вкусное и уединяется,— сказала Мила.

— Помидор, только помидор.— Кузьма боялся поднять глаза. Подумать только, целую минуту он смотрел в вырез ее купальника, и это получилось бессознательно. Низко, невероятно! Еда уже не возбуждала его аппетита. Невольно и как бы продолжая прерванную мысль, которую он пытался подавить в себе и которую нельзя было подавить, он — в доли секунды — представлял Милу без купальника и тотчас зачеркивал этот яркий образ, но он вторгался в воображение вновь и вновь, как наваждение, и заставлял краснеть и волноваться от приступов стыда, которые, однако, не могли его заставить думать о другом.

Он не думал, что создает свой идеал женской красоты. Напротив, он боролся с этим наваждением. Но образ девушки, которая стояла у воды, радуясь солнцу, траве, реке, птицам, и на которой не было купальника, не исчезал. Тогда он захотел, чтобы эта девушка стала Адой, но она, улыбаясь, продолжала быть Милой. Он не мог вообразить Аду без одежды.

— Кузьма, о чем размышлял? — спросила Мила.

— Я кушаю,— сказал Кузьма и стиснул челюсти.

После еды купались недолго. Хотелось пить.

— Через ипподром? — спросил Кузьма про обратный путь.

— Ага.

Тал-арык успел сделать десятка три изгибов, прежде чем тропа отдалилась от него, нырнула в поле, а поле минут через десять уперлось в белые домики пригорода. Ребята ускорили шаг — они увидели водопроводную колонку. Генка надавил на рычаг, Мила при-

никла к холодной струе. Пила долго, большими громкими глотками. «Теперь порядок,— сказал Генка, напившись последним.— Простая вещь — брать с собой воду, а мы ленимся».

На ипподроме обьезжали скаковых лошадей. Приросшие к лошадиным спинам жокеи казались мальчиками-подростками. Лошади брали препятствия с красивой легкостью, не замедляя и не перестраивая бега. Это были породистые, холеные лошади карабаирской породы, и возле них — когда их выводили прогуливать — вертелись мальчишки. Этот ипподром, однако, доживал последние дни, и новый, который строили на южной окраине города, ребята знали, будет не чета старому.

— Давайте постоим,— сказал Кузьма.

— Ну... ну... ну! — шепотом подбадривал жокеев Сали. Он не стеснялся проявлять восторг, если для этого был повод. Сейчас он сделал несколько шагов вперед и отключился от всего, что не было беговой дорожкой, лошадьми и наездниками.

— Подумаешь, лошади,— сказала Мила.— Их век прошел. Ну, выучишься ездить верхом, а дальше что? Одна дорога — в цирк.

— Послушайте, что говорит женщина,— сказал Сали.— Хотя вы сейчас и стрижетесь коротко, известная старая пословица остается в силе. Одной стрижкой под мальчика ее не опровергнешь.

— Сказанул. Вот сказано! Да мы, девчата, умнее вас. Отличниц в нашем классе две, а отличников — жди, когда появятся.

— Ладно,— прервал ее Сали.— Ну тебя. Не мешай, пожалуйста. Лошади — благородные животные, и они мне нравятся.

Уж слишком легко, просто и красиво лошади брали

препятствия. Было от чего затаить дыхание. Карабаиры, выращенные в Джизакской степи, казалось, не касались земли, а плавно скользили над ее поверхностью, и пыль, поднятая их тонкими ногами, была не пылью, а дрожанием нагретого воздуха, пришедшего в движение от их стремительного полета.

— Мила, твой батя обожает скачки,— сказал Генка.— Даже ставки делает в тотализаторе. А ты равнодушна, странно.

— Фи! — она презрительно скривила губки.— Мало ли кто на чем чекнулся? И пусть, раз нравится.

«К чему столько упрямства? — подумал Кузьма.— Ну, к чему? Для хорошего мнения о человеке такое упрямство просто вредно». Ему опять стало неловко за Милу и за себя, за то, что совсем недавно эта статная девушка не давала ему покоя, казалась не только красивее, но и умнее, возвышеннее сверстниц. Первое осталось, а во всем остальном он очень усомнился. И получилось, что просто красивой, но недалекой девушке не было места в его воображении.

Скакуны беззвучно брали барьеры.

— Идемте,— сказала Мила.— Мне еще на базар.

— А меня дед будет костерить.

Жалко было уходить от этих отличных, выхолощенных лошадей, к гривам которых прилипли легкие жокеи. Но время не ждало, и Сали, чертыхнувшись, догнал друзей. Жара угнетала. Уставшие, уgomонившиеся, они шли молча. После Тал-арыка всегда такое расслабленное состояние. Каково же тогда строителям на лесах, хлопкоробам в поле, каково всем, кто работает под открытым солнцем? Недалеко от перекрестка, где им предстояло расстаться, Кузьма, шедший впереди, вдруг остановился и предостерегающе поднял руку. Это бы-

ла улица Черноморская, тихая и зеленая, застроенная аккуратными индивидуальными домами.

— Ты чего? — удивилась Мила.

— Тссс... Смотрите! — Кузьма, вытянувшись, показывал сквозь буйно разросшийся кустарник живой изгороди.

— Пустой двор, — прошептал Генка.

— Глянь левее!

— Это Михаил Артемович. И Лиля! Вот новость!

— Копают землю. Для деревьев вроде бы уже поздно.

— Какие тебе деревья? Это траншея под фундамент. Шнур натянут по колышкам, не видишь? Он для Лили дом строит. Место сухое и воздух хороший. А она помогает.

— Какой старик щуплый. Перышко. Нет, пушинка.

— А Лиля еще тоньше. Призрак.

— Тссс...

Михаил Артемович размеренно орудовал лопатой. Он работал в майке. Его худая шея и плечи лоснились от пота. Как у всех стариков, высушенных к старости, мускулы его легкого жилистого тела были рельефными, и сквозь белую кожу отчетливо прорезались связки и сухожилия. Время от времени он смахивал со лба пот, но работу не прекращал. А Лиля, шедшая вслед за ним с совковой лопатой, отдыхала после двух-трех бросков, жадно ловя воздух круглым ртом. Тяжелая лопата была явно не для ее рук. Ее бледное лицо не выдавало никаких эмоций. Но сквозь эту угрюмую сосредоточенность изредка проглядывало страдание.

Ребята молча смотрели, как работают двое взрослых — их старый учитель и его дочь. Во двор вела незапертая калитка. Толкнуть ее ногой — она распахнется — вбежать во двор и взяться за лопаты. Но это зна-

чило заменить Михаила и Лилю в начатой траншее. А их силы целиком ушли на Тал-арык. Сали, однако, сделал попытку войти, но Мила решительно потянула его назад. Не то чтобы она отказывалась помочь, но дома ее ждали дела, и она не хотела нареканий от родителей. И все были примерно в таком же положении. И потом, очень связывала эта расслабленность после стольких часов пребывания на жаре.

— Кончай глазеть, — зашептала Мила. — Как-нибудь навестим его, тогда и поможем. Пошли.

«Для Михаила Артемовича новый дом — это выздоровление Лили,— подумал Кузьма.— Сейчас она у него... спичка, соломинка. Молодец старик, все-таки раздобыл участок. Он говорил, что было трудно, но ему помогли в райкоме. Успеет ли он до осени?»

— Кузьма! — поторопила Мила.

Лиля как раз выбросила из траншеи лопату земли и выпрямилась, чтобы передохнуть. Она жадно глотала воздух. На ее плотно сжатых губах теперь не было страдания. Только решимость работать и не отставать от отца. А старик продолжал копать, не останавливаясь и не торопя дочь. Вздохнув, Кузьма присоединился к друзьям. Всем им было немного стыдно, и они молчали. Они не старались объяснить причину этого стыда, но они его чувствовали, и слов было не надо.

VI.

Как и ожидал Кузьма, у Сали была вечерняя разминка. Подвешенная к толстой ветке яблони кожаная груша еще неровно раскачивалась. Только что ее обрабатывали быстрые, сильные кулаки. Под яблоней, на скамейке, лежали гантели. «Накачиваешься?» — спросил Кузьма. После гантелей и работы с грушей бицепсы Сали выглядели весьма внушительно.

— Книги принес? — увидел Сали. — Для Ады? Спасибо. «Отец Горио», «Бегущая по волнам», — прочел он на корешках. — О, у меня этого нет. Она будет довольна. Проходи. Повыжимаешься на турнике?

Кузьма отрицательно мотнул головой. Какой смысл выжиматься на турнике перед Сали, у которого все равно получится больше. Генка бы не отказался, он заводится сразу. «Давай?» — «Давай». — «Ага, слабак!» — «А ты ноги держи вертикально, не извивайся ящерицей!» И пошло. Им нравится сам дух состязания.

В комнате был полумрак, и Сали открыл ставни. Поток света выхватил большой, в черной полированной раме портрет отца Сали Шарапа Муслимова — в форме военного летчика, с майорскими звездочками на погонах. Кузьма знал, что отец Сали был человеком большого мужества и отваги, кавалер многих боевых орденов. Три года назад он умер от гнойного плеврита, и Кузьма помнил удручающе-пышную процессию похорон и, до похорон, военный госпиталь, в котором долго лежал отец Сали.

Кузьма не расспрашивал Сали об отце, дожидаясь, когда друг заговорит сам. Это была его любимая тема — отец, сражающийся с фашистами, отец, летающий на четырехмоторном «СИ-47» во вражеский тыл, к белорусским, польским, а потом и югославским партизанам и в конце войны проложивший трассу через Иран и Северную Африку в Великобританию. У Сали хранилась фуражка немецкого офицера — подарок Шарапу Муслимову от легендарного Ковпака. Кузьма знал историю этого подарка. У отца Сали был ночной рейс к Ковпаку. Туда — боеприпасы, назад — раненых. Самолет приземлился на сигнальные огни, и Ковпак сразу позвал к себе командира корабля, стал вести с ним разговоры, попросил фонарик — у меня, мол, такого нет, разобрал

фонарик, собрал снова и дал взамен фуражку немецкого офицера — детям, мол, станешь показывать, когда дети будут. Тут погрузка раненых закончилась, Муслимов с трудом оторвал машину от земли и благополучно посадил на аэродром под Ровно. Раненых выгружали долго, и отец Сали поинтересовался, сколько их. Оказалось — сорок три вместо положенных двадцати пяти. Такова была несложная хитрость Ковпака, приказавшего половину раненых разместить под сиденьями. Кузьма знал многие другие подробности ратной службы отца Сали, но позволял Сали рассказывать о них снова и снова. Не из уважения к другу — из уважения к человеку, которого уже не было в живых. Когда Сали говорил об отце, в его голосе было столько благоговения! Кузьма видел, что наедине с собой Сали часто беседует с отцом, словно испрашивает у него совета и одобрения своим поступкам. Сали, конечно, очень хотел походить на отца.

— Сейчас я бы выжал двухпудовку больше, чем он, — сказал Сали. — Он поднимал гирию семь раз. А перед болезнью только один.

— А до войны?

— До войны? — Сали задумался. — Не знаю. Наверное, тогда он был сильнее. Конечно! Иначе бы не прошел в летную школу. Думаешь, он бы смог продержаться в море семнадцать часов, если бы не был здоровым? Никогда.

С портрета на ребят смотрели глаза жизнерадостного и, должно быть, очень общительного человека, остро любившего жизнь и потому сумевшего продержаться в холодном море семнадцать часов. И сумевшего многое другое, тоже на пределе человеческих возможностей, и только не сумевшего победить гнойный плеврит.

— Если бы наш торпедный катер подобрал его в

Черном море не через семнадцать часов, а раньше, он был бы сейчас жив,— сказал Сали.— Эта октябрьская ванна как раз и обернулась плевритом. Они сбросили груз югославам, но на обратном пути их и подкараулил ночной истребитель. Он подкараулил их над морем. Врачи говорили, что двадцать три года борьбы с такой болезнью — это замечательно, но она все же сделала свое дело.

В голосе Сали не было печали. Он говорил об отце как о живом, но надолго отлучившемся человеке. В его воображении отец продолжал быть живым, и то, что год назад мать привела в дом нового мужа, не повлияло ни на отношения Сали с матерью, ни на его память об отце. Мать имела право поступить так, как она поступила, мать у него была хорошая. Но он, Сали, поверял свои тайны только отцу. «У Сали на лице меньше восточных оттенков, чем у отца,— отметил Кузьма.— Потому что мать русская. Сали очень переживал, когда она вторично вышла замуж. Молча и про себя. Но ничем не проявил своего несогласия. Молодец, взвешивает не только сердцем, но и умом».

— Представляешь, как здорово летать на реактивном? — вдруг сказал Сали.— Взмаываешь свечей, взлет вертикальный. И можно разогнаться до скорости километр в секунду. Пуля, и та летит медленнее. И — кувыркайся в небе, ходи вниз головой, все можно. Машина — это ты, продолжение тебя, твоих ног, рук, головы.

— В летное? — сказал Кузьма.

— Да. Меня возьмут.— Сали невольно напрягнул мускулы. Его сложению позавидовал бы взрослый мужчина.— Осенью должен получить первый. Еще три победы, и первый разряд в кармане. Первый разряд это вещь. А после летного у меня будет сверхзвуковой перехватчик. Под фюзеляжем ракеты. Никто не пройдет.

Кузьма еще раз посмотрел на портрет Шарапа Муслимова. Да, Сали был очень похож на этого человека.

VII.

Три этажа позади. На лестнице каждый шаг звонок и отдается в висках, как удар сердца. На четвертом, где лестница обрывается, живет Ада. «Звони»,— говорит Сали Генке. Нельзя вот так, сразу, возражает Генка. Ждать, собственно, нечего. Но рядом нет Милы, которой чужды колебания. Мила придет прямо в парк, к началу сеанса. Но дело не в Миле, а в том, чтобы Ада тоже пошла в кино. Отложила в сторону всю свою занятость и пошла. Руку Сали оттягивает тяжелая сетка с восемью томами. По этому поводу Генка сказал, что надо было прихватить с собой книжный шкаф. А что, они бы приперли.

— Смешно так стоять,— наконец говорит Генка и звонит. Затем делает два трусливых шага назад, и Сали оказывается первым.

— Я это запомню! — говорит Сали. В коридоре уже слышны мягкие шаги. «Я бы хотел сейчас быть на месте Сали,— подумал Кузьма.— Чтобы все знали, что к Аде пришел я. Но это неосуществимо». На скулах у Сали вздулись желваки, кончик носа побледнел.

На лице Ады сразу же заиграла улыбка, словно кто-то направил на нее солнечный зайчик.

— Мы вот снова... и книги принесли,— сказал Генка после многочисленных «кх» и «гм». Его старты всегда были скомканными, но зато дальше он обретал силу.

— Входите, пожалуйста! — пригласила девушка.— Это все мне?

— Ада, Сали с удовольствием принес бы тебе книжный шкаф,— Генка получил молниеносный толчок под ребро и поперхнулся.

— Спасибо,— сказала Ада.— Спасибо, Сали.— Что-то изменилось в ее улыбке. Потом она снова стала прежней, но двое — Сали и Кузьма увидели грусть и несогласие.

— Пожалуйста! — еще раз пригласила Ада. В большой комнате на столе возвышалась гора свежестиранного белья. Ада на ходу выключила утюг и пригласила в свою комнату. «У меня уютнее», — сказала она. Ее комната была вдвое меньше, но все в ней было неожиданно так, как и представлял Кузьма, когда воображал себя случайно попавшим в эту комнату. Полированный стол, незахламленный и с большой, в тон столу, керамической вазой с краю, книжная полка, узкая кровать и на стенах две репродукции — «Заморские гости» Рериха и «Ярмарка» Кустодиева. Яркие краски хорошо передавали торжественность момента и у Рериха, и у Кустодиева.

— У тебя просто здорово! — сказал Генка.— Ничего лишнего. Это, что ли, считается хорошим вкусом?

— Когда Геннадий не знает, о чем говорить, он прибегает к комплиентам,— улыбнулся Сали. Он тяжело преодолевал скованность. Прежде всего — никаких эмоций. После — сколько угодно.

— Сали, это несправедливо! Если хочешь знать, в данном случае я лишь констатирую факт. Или ты считаешь, что я преувеличиваю? Скажи, я преувеличиваю?

— Нет,— краснея, сказал Сали.— Но у тебя нездоровое пристрастие к комплиентам. Зачем Аде комплименты?

— Ха-ха! Вот ты сказал, что Ада выше комплиментов, а это не что иное, как комплимент.

— Ты бы показала свои фотографии,— попросил Сали.

— Они у меня в беспорядке. Потом, ладно? — у нее

были свои тайны, которыми она дорожила и в которые никого не хотела посвящать.

«Что же в ней необыкновенного? — подумал Кузьма.— Пожалуй, ничего. Лицо... чистое, одухотворенное. В глазах сочный зеленый мазок. Руки не полные и сильные. Что же в ее облике такое, что заставляет думать о ней? Что в ней хорошо, кроме того, что в ней все хорошо? Я понимаю, здесь все упирается в особенное, я чувствую это, отлично чувствую, но это невыразимо, и об этом не может и не должно быть слов. А вот для Генки она обыкновенная. Если дотронуться до ее рук, интересно, они теплые или холодные? Зимой я танцевал с ней на вечере, перед Новым годом. Тогда у нее были теплые руки. Она сама меня пригласила. Подошла и протянула руку с такой доверительной улыбкой, словно заранее извиняла за неловкость. А я, дурак, так паршиво танцую вальс. И мне не было хорошо. Было стыдно. Даже сейчас помню, как стыд жег щеки. Я старался изо всех сил, чтобы не наступить ей на ногу. А она радовалась этому танцу. Я слишком злился на себя, и мне было плохо, а она радовалась».

— Минутку, я поставлю чай!— Ада вышла, не закрывая дверь. Зашелестели сонные портьеры, в соседней комнате скрипнули половицы и зажурчала вода, ударившись в гулкое дно чайника.

— Какие мы все-таки кретины!— сказал Генка.— Стружку с нас снимать надо. Каждый день.

— А она ни капельки не смутилась,— заметил Сали.— Только мне она не рада. Вот.

— Не дури,— сказал Кузьма. И подумал, что это неплохо, если это правда. «Предатель, — сказал он себе.— Ты предаешь друга. Ты не желаешь ему счастья. Ты гад. Гад, эгоист».

— Зови в кино! — шептал Генка Сали,— И вытащи

книги из сетки. Я не собираюсь оставлять здесь свою сетку.

Сали выложил книги на стол. Вошла Ада и потянулась к ним. Их руки встретились и резко отдернулись. В глазах Сали вспыхнула радость. Ада, напротив, опустила глаза. «Спокойно,— сказал себе Кузьма.— Это тебя не касается».

— Какие книги! — говорит Ада.— Спасибо. Я давно мечтала о них.— И, потупившись, добавляет: «Спасибо, Сали».

Она бережно гладит потертые корешки переплетов.

— Что ты будешь делать летом?— спрашивает Генка.

— Не знаю. Буду читать, и буду учить английский.

Она одна из всего класса сносно владеет английским, говорит без напряжения. Но она, это Кузьма знает точно, не собирается идти в институт иностранных языков, а мечтает стать геологом.

— А в горы?— спрашивает Сали.— Если с нами в горы, а?

— Пойду. Мама меня отпустит.

— Зачем английский учить, он мозги сушит,— говорит Генка.

— Это если бестолку учить, как ты,— защищает Аду Сали.— Если бы ты знал язык, ты бы тоже им занимался, чтобы не забыть.

— Я не спорю, не спорю. Только, по мне, это пустая затея.

— Сали, что у тебя за привычка? Когда учитель готовится кого-нибудь вызвать и водит пальцем по журналу, а в классе мертвая тишина, ты обязательно роняешь на пол книгу и просишь разрешения ее поднять,— говорит Ада.— Ты всегда так делаешь.

— Для этого он всегда носит с собой хрестоматию

по литературе. Самая тяжелая книга,— добавляет Кузьма.

— Разряжается обстановка. Смех, учитель краснеет, сердится и, главное, не вызывает меня.

Ада смеется. И машинально водит ладонью по шершавым корешкам книг, как бы стараясь угадать их содержание. «Сали, ты психолог», — говорит она. Сали очень далек от того, чтобы быть психологом. Но ему приятно, что о нем так подумали.

— Мы, собственно, пришли, чтобы позвать тебя в кино, — спохватился Генка. — «Фантомас», первая серия. Мой сосед так смеялся, что его вывели из зала.

— Мне еще gladить. Но к девяти я успею.

У Сали светлеют глаза. Сбывается все, что он загадывал на сегодня. Полтора часа он будет сидеть рядом с Адой, и его плечо будет касаться ее плеча — случайно, так же случайно, как встретились их руки, вынимавшие книги из сетки. Это нельзя променять даже на победу на ринге.

«А рядом со мной будет сидеть Мила,— думает Кузьма.— Всегда Мила. И будет громко делать замечания актерам: этот сказал не то, этот не так держится. Не терплю». Ада задержала на нем глубокие зеленые глаза. Ему показалось, что он прочел вопрос, только вопрос, заданный не в упор, а как бы между прочим. Его значение непонятно, но он услышан. Одно это заставляло быстрее биться сердце.

VIII.

У входа в парк железнодорожников броская афиша. «Фантомас» собрал очередь. В квадратном окошке сухое женское лицо.

— Самые дешевые, по двадцать копеек! — наставляет Мила.— Останется на мороженое.

Но Сали знает, что делает. Если бы с ними не шла Ада, он бы, конечно, послушался. Но Ада и, значит, они все должны сидеть на хороших местах. Кузьма улыбнулся. Он бы тоже взял билеты на самые лучшие места, даже если бы им пришлось смотреть картину в пустом зале. Генка, напротив, поморщился: к чему все эти тонкости? Его можно было понять. Дед почти не давал ему карманных денег. Заработай, тогда и шикуй — это он знал более чем твердо.

Солнце еще золотило редкие облака, но это был зыбкий, меркнувший свет, и макушки самых высоких тополей уже были монолитно-темные. На больших скамейках, против клумб с каннами и розами, сидели молодые и пенсионеры. Молодые сидели парами, и к ним не подсаживались, а пенсионеры занимали скамейки плотно. В тире трещали пневматические ружья. Сали шел рядом с Адой и молчал. И смотрел на Аду. И Кузьма смотрел на Аду, но не так откровенно. Ему нравилось, что Ада была одета скромнее и вместе с тем изысканнее Милы, и нравилась ее сдержанность. Ему нравилось в ней все.

Ада тоже молчала. Она чувствовала бы себя гораздо лучше, если бы Сали знал, о чем говорить, и не смотрел на нее с преданной детской восторженностью. «Хочу мороженого, давно хочу мороженого!» — заскандировала Мила. Они как раз поравнялись с уютным павильоном.

— У нас не осталось на мороженое, — сказал Сали.

— Осталось, — сказала Ада. — У меня полтинник.

— Спасибо, выручила, — сказал Сали Аде.

— Какой он смешной! — шепнула Мила Генке, прикрывая рот рукой. — Вот что такое любовь. Я бы на месте Ады вила из него веревки.

Они сели за свободный столик, и, подсчитав деньги,

Мила объявила, что девочки получают по двести граммов пломбира, а мальчики — по сто пятьдесят фруктового.

— Я за равноправие,— сказала Ада.

— И я! — присоединился Генка.

— Какой ты не рыцарь! — сказала Мила.

— Уступим слабой команде,— сказал Кузьма. Девушки получили пломбир, мальчики — фруктовое. Оно приятно освежало и было ничуть не хуже пломбира, и весь его недостаток заключался только в количестве. Сто пятьдесят граммов — это ведь так, на дне блюда.

— Пора, второй звонок!

Как и ожидал Кузьма, ему досталось место рядом с Милой. Это уже становилось традицией. Усевшись, он посмотрел на Милу в упор и встретил ее настороженный взгляд, в котором, как ему показалось, было требование продолжения тех встреч и той легкой болтовни у ее калитки, начавшихся, когда он отважился пригласить ее в кино. Вроде бы она ни на что не намекала и в то же время давала понять, что она здесь из-за него. Мила загадочно усмехнулась, поежилась, как от вечернего холода. Коснулась теплым плечом плеча Кузьмы и сказала:

— Мог бы пиджак одеть, мне будет холодно.— В ее словах было продолжение того намека, который так явно присутствовал во взгляде и который, не найдя в душе Кузьмы отклика, все же породил смятение. Мила собиралась преодолеть его холодок к ней, это было ясно. Она еще не знает, что это непреодолимо. Ей вовсе не обязательно это знать. Кузьма покосился туда, где сидела Ада. И тут из квадратного окошка проекционной потянулся к экрану расширяющийся луч света. Фантомас буйствовал на экране и смеялся над преследователями, и все ему удавалось, и зал сочувствовал ему, хотя и не понимал, к чему все это и зачем громоздить горы этих несурзностей. Фантомас был на высоте. И женщины,

снимавшиеся в фильме, были по-французски элегантны и влюбчивы — смотри и развлекайся и не задавай глубокомысленных вопросов.

— Развлеклись,— сказала Ада, когда зрителям было обещано захватывающее продолжение.

Зажегся свет. Зал, очнувшись, затеснился у выхода.

— Ну, Фантомас!— сказал Генка.— Ну, дает. Ха-ха-ха-ха! Аж по коже мурашки.

— А если серьезно, то все это так, поделка,— сказал Кузьма.— Повеселили обывателя.

— И вовсе нет,— сказала Мила.— Нормальный приключенческий фильм, сделан профессионально. Не надо только искать в нем глубины «Белорусского вокзала».

— «Белорусский вокзал»,— это вещь,— сказала Ада.— Настоящая лента.

— Но вместе с «Белорусским вокзалом» живет и будет жить «Фантомас»,— сказала Мила. Она опять пыталась взять апломбом.— Я люблю, когда интрига развивается стремительно и действие закручивается и закручивается, и лишь с последним кадром приходит ясность.

— Уточняю,— сказал Сали,— здесь ясность придет вместе с последним кадром последней двенадцатой серии.

— И потом, такие фильмы, как этот, позволяют оттенять настоящие вещи,— сказал Кузьма.

Танцплощадка пульсировала нормально. «Потанцуем? — спросила Мила.— С половины одиннадцатого вход бесплатный. Кузьма, ты как?»

— Я танцую на три с минусом. Только танго и только со знакомыми.

— Согласна. Я обучу тебя твисту за две минуты.

— Ну, зачем нам туда? — сказала Ада.— Погуляем. Какой вечер!

Сали облегченно вздохнул. Он тоже был противник

танцплощадки. «Но мы посмотрим только,— не унималась Мила.— Минуточку, ладно?». Мощно ударил фокстрот. Зашаркали сотни подошв. Танцплощадка была полна и жила своей жизнью. Ада, сжав губы, последовала за Милой. Она не любила подчиняться. Наверное, поэтому они и не были близки с Милой, хотя сидели на одной парте.

— Ну, почему вы не любите танцы? — вздохнула Мила.— Дикари. Честное слово, дикари.

Она жадно смотрела сквозь ажурную решетку ограды на парней и девочек, которых свел фокстрот. Она бы с удовольствием потанцевала. «Эх, вы, а еще парни. Задора в вас нет, огня. Навозные жуки, вот вы кто».

Она злилась, видя, что не находит поддержки.

— А ты стрекоза,— Сали не любил молча проглатывать пилюли.

Танцплощадка жила своей веселой, бесцеремонной жизнью. Парни приглашали девушек, доверительно перешептывались знакомые. Девчата, которых парни обходили, переминались с ноги на ногу, и у них были недоумевающие лица.

Они все-таки отправились гулять. Сначала впятером обошли парк окраинными аллеями. Одного раза показалось мало, и они сделали второй круг и третий. Шелест кленов и то, что рядом с ребятами шли девушки, настаивало на лиричность. Каждому хотелось сказать особенное. Над кленами, над городом и над землей таинственно мерцали звезды. Домой не хотелось. Хотелось ходить и ходить и встретить первый луч солнца на этих тихих аллеях.

— Ребята, нам ведь остался последний год,— сказала Ада.— Год, и мы расстанемся, разбредемся по стране. Когда я думаю об этом, мне кажется, что это будет очень грустный день. Все будут радоваться аттестату и

своей зрелости, а я буду грустить, и захочется уединиться, чтобы никто не видел, что мне грустно. Мы пойдем работать, поступим в разные институты. Я бы очень хотела, чтобы это не сделало нас чужими.

А она правильно говорит, подумал Кузьма. И это получается у нее просто, без усилия. И голос у нее проникновенный и доверительный. А если бы это же самое говорила Мила, слушал бы он с таким же пониманием? Нет. Едва ли. Он бы просто удивился, что она может так говорить, и все. «Мы не станем чужими,— сказал Сали.— Если мы станем чужими, значит, нас не научили чему-то очень важному, даже самому важному. Куда же мы будем поступать?»

Он шел рядом с Адой, но не осмеливался взять ее под руку. Он сам старался, чтобы между ними все время было некоторое расстояние. Случайно дотронуться до Адиной руки казалось ему кощунством. Другие могут брать своих девушек под руку, это их дело. Но мысль о том, что когда-нибудь и ему придется взять Аду под руку, уже сейчас приводила его в трепет.

— Я, например, толкнусь в педагогический,— сказала Мила.

— Тоже мне, педагог,— сказал Сали.— Несчастны те дети, которых ты будешь учить уму-разуму.

— Я еще тебе, как папаше, буду мораль читать на родительском собрании. Никуда ты от меня не денешься.

— Я в сельхоз и отчаю к матушке,— сказал Генка.— Агроном в совхозе вторая фигура после директора.

— А меня строительство привлекает,— сказал Кузьма.

— Ада, тебе прямая дорога в Москву,— предрекла Мила.— У тебя пробивные способности.

— Геологов и здесь готовят.

— Не дури,— сказал Генка.— Это ведь мужская профессия.

— И мама так говорит. А я хочу в геологи. Сали, а ты?— Ада спрашивала с любопытством.

— Я буду военным летчиком. У меня отец был военным летчиком.

— Какая патетика!— Мила скривила пухлые губки.— Я так понимаю: нам хватит одних ракет. Нападут, а мы в них ракетами, вот и отбились.

— Много ты понимаешь!— сказал Сали.

— А если Сали полетит выше? Выйдет на орбиту?— сказал Кузьма.

— Хватанул — на орбиту. Смотря на какую!— Мила не любила фантазеров.

— А что? Время такое, что можно предположить. Ведь при нас полетят на Марс,— сказала Ада.— Мы еще будем гордиться, что учились в одном классе с Сали Муслимовым.

— Вдруг на Марсе обнаружат разумную жизнь,— предположил Сали.— И космонавт возвращается с прекрасной марсианкой, на зависть всем невестам Земли.

— Если этим космонавтом будет Сали, он не возьмет с собой марсианку,— сказала Мила. И очаровательно улыбнулась. «Уколы ей удаются,— неприязненно подумал Кузьма.— Раз — и подденет, а зачем, не знает сама. По привычке». Если Сали и покраснел, в темноте это было незаметно.

— Вот мы сейчас ходим вместе, дорожим нашей дружбой, и странно, что это не навсегда,— сказал Сали.— Так хочется, чтобы это было насовсем, чтобы новые друзья не заслоняли старых.

— И новые подруги,— вернула Мила.

— Ада, сколько на Земле стран?— спросил Генка.

— Больше ста. Не знаю. Наверное, Кузьма знает.

— Скоро будет сто пятьдесят.

— И каждую окружают границы. Как заборы вокруг индивидуальных домов. Соседа чаще бояться, чем любить.

— Это не навеки,— сказал Кузьма.— Когда первый человек ступит на Марс, границ уже не будет. Будут, но как у нас между союзными республиками. Они перестанут быть заборами.— И я убежден: на Марс пошлет человека социалистическая Земля.

— Если бы уже где-нибудь построили коммунизм,— сказал Генка — А то мы первые...

— Хорошо быть первыми,— сказал Сали.

— Согласна,— сказала Ада.— Я за синяки и лавры первых!

— Поэтому она идет в геологи,— сказала Мила.

IX.

Голос Ады, негромкий и проникновенный, навел на мечтательность. И шорох кленов тоже. Было бы хорошо, если бы создалась такая ситуация, что ей стала бы угрожать опасность, а он бы спас ее, думал Кузьма, воображая, какой должна быть эта почти нереальная ситуация. Она бы возвращалась вечером с тренировки, а он бы тайком сопровождал ее — она, конечно, в неведении, и тут на нее нападают, а он оказывается рядом и принимает удар на себя. Нет, это примитив. Другое: он с ней в горах, и при переходе через речку, на скользких валунах, она подворачивает ногу. И он несет ее до ближайшей пасеки три километра. И это примитив. Вдвоем они никогда не пойдут в горы. Ее не нужно ни от кого защищать, не нужно

спасать, и все, что может придти ему в голову, ужасно банально. Банально и глупо.

— В этом году нам столько учить,— жалуется Мила.— Я, наверное, не смогу без троек. Кузьма, ты можешь? — это продолжение намека, который Кузьма прочел в ее взгляде перед началом сеанса.

— Помогу,— говорит он и чувствует, что ответ не нравится Аде.

Она прерывает рассказ о своем тренере, отличном гимнасте и отличном человеке, и в том, как она молчит, видно неудовольствие.

— И вообще, можно заниматься у нас,— развивает свою мысль Мила.— Вместе толковой получается. Один расщелкает задачку, а всем ясно.

— Сменим пластинку,— советует Сали.— И давай-те эти два с половиной месяца не говорить об учебе.

— Который час?— Аде нельзя возвращаться поздно. Она жалеет мать, которая без нее не ложится. Часы только у Милы.

— Одиннадцать, детское время.

Было половина двенадцатого, но ведь Ада не захотела на танцы, и это запоздалая маленькая месть за ее строптивость. Пусть ей будет неловко перед матерью, которая ждет и не ложится.

— Одиннадцать!— со страхом повторила Ада.— Идемте же, идемте!

Сонно шуршащие клены остались за спиной. И за спиной остались приземистые скамейки, на которых парни обнимали своих девушек. Притихший парк незаметно перешел в чутко спящую улицу.

— Ада, почему ты решила стать геологом? — спросил Сали.

— Романтика,— сказал Генка.— Походы длиной в несколько месяцев. Жизнь в палатках. Обеды у костра.

Единение с природой — награда за отсутствие комфорта. Так надо понимать?

— Примерно так, но это не все,— сказала Ада.

— Призвание?— спросил Кузьма.

— Может быть. Мне трудно объяснить.

— Новое крупное месторождение золота открыла молодой геолог Аделаида Герасимова,— продекламировала Мила.— А если начнутся трудности, и их будет все больше и больше, и ты почувствуешь, что ошиблась, разочарована? Что тогда? Отступление?

— Нет,— сказала Ада.— Я просто буду продолжать начатое.

— Громко. А кому это нужно?

— Мне, в первую очередь.

Вот в чем ее сила, подумал Кузьма. В убежденности. Мила зевнула. Жалеет, что проморгала танцы, угадал Кузьма. Как же, ей нравится, когда она в центре внимания. Но что в этом неправильного? Все правильно. Ему вот нравится, когда рядом Ада, и он не видит в этом ничего неправильного. И почему, собственно, он всегда, ну, не всегда, но с некоторых пор думает о Миле плохо? С каким-то внутренним протестом? Чем она это заслужила? Девушка как девушка, гораздо бойчее и смелее других. Ее энергии, когда она во главе какого-нибудь дела, хватило бы на десятерых. Но вся беда в том, что, когда она во главе какого-нибудь дела, оно у нее обязанность, а не творчество. Он думал об этом расслабленно, не спеша, и тут Сали сказал: «Провернуть бы, ребята, что-нибудь такое, что сразу сделало бы нас взрослыми. Свежее, стоящее дело».

— «На воздушном океане, без руля и без ветрил тихо плавают в тумане...»— пропела Мила.

— Мила, это партия баса,— сказал Кузьма.

— Нет, неправда! Ты не намекай, что я парю в обла-

ках!—загорелся Сали.— Я бы с удовольствием взялся за что-нибудь настоящее. Я бы себя после этого стал больше уважать.

«Прокудин и его Лиля»,— мелькнуло у Кузьмы. Это пришло в голову внезапно, как озарение. Он даже ничего не вспоминал, он увидел всю картину в целом: по одну сторону зеленой улицы притихшие они, по другую — старик и его дочь, строящие свой дом.

Они придут и помогут, помогут до конца, до новоселья!

— Есть, есть такое дело! — крикнул он. — Прокудин и его новый дом. Мы... мы уважаем, даже любим Михаила. Он самый лучший наш учитель, он живет для нас. И мы ему поможем. Это и стоящее, и большое, и какое хотите хорошее дело!

Сали с размаху хлопнул его по плечу.

— И кто киркой, а кто лопатой станем строить эту хату,— пропела Мила, полагая, что это спектакль.

— А вы умеете лепить кирпичи? Меня научите? — спросила Ада. — Но постойте, обождите. Как же все это будет выглядеть? Давайте толково обсудим.

— Планируйте, — скептически сказала Мила. — Тоже мне, Госплан. Но лично я на это не собираюсь убивать каникулы. С какой стати? Я не против того, чтобы поработать несколько дней, но уродоваться ежедневно — извините.

— И я не могу каждый день, — сказал Генка. — Меня дед съест. Но в свободное время — пожалуйста. Я тоже люблю старика.

— Люблю старика, у него такая юная дочь! — передразнила Мила.

— Какая ты умница! — сказал Генка.

— Тут дело добровольное, — сказал Кузьма. — За руку не тянут. Но если мы решили взяться, мы должны

сразу договориться, чтобы довести дело до конца. Пусть это будет не только цель, но и обязанность. Чтобы мы отвечали за это дело.

— Мила, тебе вовсе не обязательно работать самой, — сказала Ада. — Вспомни, как в таких случаях поступал Том Сойер. Ты у нас организатор. Желających помочь Михаилу будет достаточно.

— А я не уверена, — буркнула Мила.

В темноте выросла громада дома, в котором жила Ада.

— Только у нас свет, — сказала она. — Конечно, мама не спит. Скорее, как мы договоримся?

— Что тут раздумывать? — сказал Кузьма. — Пойдем завтра к старику и начнем. В девять, без опозданий. Вот и все.

Ада простилась и вошла в темный подъезд. Каблучки застучали по лестнице и затихли где-то высоко. «Кузьма, а ты дело придумал! — счастливо сказал Сали. — Здорово, как ни верти. Мы покажем класс. Пошли, надо выспаться».

— Мог бы придумать что-нибудь поинтереснее, — не удержалась Мила. — Вы ведь в горы хотели, вот бы и отчаливали. И я с вами.

— Прекратить контрреволюционную агитацию, — скомандовал Генка. — Мила, у тебя джинсы есть?

— Есть. И лопата есть, — сказала она резко. И замолчала. Ее веселость сменилась раздражением. Она понимала, что должна принять участие, что это дело ее престижа, но уж больно не хотелось копать землю и лепить кирпичи. И потом, ей не нравилось, что инициатива исходила не от нее. Подумаешь, нашли большое, стоящее дело! Прощаясь, она не смотрела на Кузьму. И Кузьма был доволен, что обошлось без новых намеков

на дружбу, которые бы заставили его твердо сказать, что таких намеков не надо.

Х.

Потом они проводили Милу. Вернулось ощущение свободы. Кузьма вздохнул с облегчением. Хорошо становится самим собою. Примерно это же чувствуешь, когда снимаешь зимнее пальто, по ошибке надетое в первый по-настоящему весенний день. «Постоим возле нас, а? — сказал Сали. — Сна ни в одном глазу». Ночь была уже глубокая, и тишина вокруг была полной ночной тишиной большого города. Множество отчетливых далеких и близких звуков как бы составляли ее фон и обрамление: лай собак, звон трамвая и даже голос вокзального диктора, легко преодолевающий два километра. Именно это, когда слышно каждое слово объявления, предлагающего гражданам пройти на перрон, и является полной ночной тишиной в большом городе. Редкие фонари не в состоянии побороть мрак. В такой темноте многое может показаться и многое — навсегда ускользнуть от постороннего взгляда.

— Что ни говори, легко без женщин, — сказал Сали.

— Если учесть, что три часа ты форменным образом дрожал возле Ады, сейчас, естественно, полегчало, — сказал Генка. — Я даже уловил, как у тебя стучали зубы.словно пьяница прикасается зубами к граненому стакану.

— Врешь!

— Честно. Они стучали так громко, что я думал об одном: лишь бы Ада не услышала.

— Кузьма, правда?

— Я не слышал,— дипломатично сказал Кузьма. И Генка тотчас получил основательную трепку. Чтобы не завирался. Выдержав этот бурный натиск, Генка, все-

таки, еще раз сказал, что у Сали стучали зубы — Кузьма мог не слышать, а вот он, Генка, это уловил. И нечего здесь разводить нюни, а следует признать факт и сделать из него глубокие выводы. Нужно воспитывать в себе самообладание. И Сали засомневался. Конечно, вполне возможно, что Генка его заводит, но вдруг... это ведь стыд нестерпимый, и тогда лучше не показываться ей на глаза!

— Ген, правда, ну, начистоту! Ну, по совести, мы ведь не маленькие, Ген!

Генка сейчас на вершине. Еще немного помучает Сали и скажет, что это не так, что он прихвастнул, думает Кузьма. И еще думает, что Сали и Ада — это прочно, и тут не только нельзя вступать, а было бы гадостью и изменой даже думать об этом нехорошо. А он думает. Но только он не позволит так себе размагничиваться, и если бы можно было запретить себе думать об этом, он бы запретил, раз и навсегда поставил точку.

Генка наконец говорит, что он действительно прихвастнул, но сразу добавляет, что признается единственно из жалости к страдающему молодому человеку, каким является Сали, и пусть будет, чтоб у Сали не стучали зубы, хотя ему продолжает казаться, что они все-таки стучали. Генка получает новую порцию трепки и опять говорит, что если Сали хочется считать, что ничего этого не было, пусть так и считает, а он, Генка, с этого момента будет молчать как истинно нейтральная сторона. И Сали, озадаченный, отступает. Генка заставляет его еще и еще раз содрогнуться при мысли, что у него в самом деле могли стучать зубы. Они идут глухим, пустынным переулком. Сейчас слева будет разваливающаяся хибарка старика, затем спуск к Салару, Качай-мостик и, после поворота налево, их улица. У Прокудиных конечно, все спят. Весь город спит. Ничего, завтра они

помогут старику, навалятся по-солдатски. Почему-то, однако, не хочется домой. А уже двенадцать. Сали, положим, не будет разноса, он спит во дворе. И Кузьме не будет по этой же причине. А Генке не избежать проповеди на моральные темы. Но даже Генка не торопится.

Кажется, кто-то за ними идет, мелькнуло у Кузьмы. Огляделся — никого. А скверное это ощущение, когда за тобой ночью кто-то идет. «Помните, — заговорил Кузьма, — помните, как в прошлом году мы возвращались с рыбалки, слезли на товарной станции в два часа ночи и потом час, даже больше, топали по шпалам? В ту ночь за нами двигался призрак. Недолго, метров триста. Призрак или привидение, под зеленым покрывалом. Вот где захватило дух».

— Какой призрак? Я не помню, — сказал Сали.

— А помните, к нам подошли трое и попросили закурить? Это в третьем-то часу ночи! Посветили фонариком, видят, взять нечего, и откололись.

— Их помню. Я тогда поднял булыжник. Одного сразу бы свалил. Поднеси им, видите ли, закурить. Я бы поднес!

— А призрак был раньше, как раз перед ними. А! Я тогда не сказал вам, чтобы не нагнать страху. Я один его и видел. Жуть. Он как бы плыл неподалеку, метров в сорока, не касаясь земли, но близко над землей. Там лужок был: ровно и травка. И покрывало колышится, как от ветра. Тоже зеленое. Зеленое и полупрозрачное, за ним тоже видно. Жуть меня обуяла.

— Гм...— удивился Генка.— Ночные страхи.

— Потом призрак пропал. И вывернулись эти парни, которым подай закурить.

На Качай-мостике заскрипели доски. Внизу — быстрая вода. Если стоять на мосту днем, кажется, будто несешь вахту на носу большого корабля, плывущего по

узкому фарватеру. А сколько раз они проплывали под этим качайчиком на широких, надутых до звона автомобильных камерах! Отчаливали у Нефтесиндиката и приставали к берегу у Тезикова базара.

За Качай-мостиком улица пошла с фонарями.

— Ген, ты толстокожий, до сих пор ни в кого не влюбился, — сказал Сали. — А, знаешь, когда влюбишься, начинаешь жить совсем по-другому. Вдруг обнаруживаешь в себе совсем нового человека, который на голову выше тебя, который и взрослее, и лучше, и примером для тебя может быть — вещь уж совсем странная, но со мной так.

— Ну, Америку ты не открыл. — Генка немного несходителен, но чувствуется, что и ему нужна откровенность. — Ладно, — прорывается он, — вам я скажу. Мне нравится Лиля. Наверное, не так нравится, как тебе Ада, но нравится. Когда я смотрю на нее, мне хорошо.

Кузьма даже опешил. Ни он, ни Сали не ждали ничего похожего. Ай, Генка! Ему нравится Лиля. А он об этом ничего. «Как и я об Аде, — запоздало думает Кузьма. — Но я должен, должен молчать, и когда все это будет преодолено, я и тогда должен молчать. Как будто бы этого не было совсем».

— Ген, если бы мы знали, и Лиля была бы сегодня с нами в кино, — говорит Сали. — Но теперь ты каждый день будешь ее видеть.

— Смеешься?

— Зачем ты так? Просто рад за тебя.

— Вылечить бы ее. Эх!

Кузьма знает, что об этом не надо говорить. Словами здесь не выразишь участия. «Какая бездна звезд, — говорит он. — И над нами, и под нами. Правда, что Вселенная — бесконечность. Но бесконечность должна

включать в себя все, буквально все. И где-то есть планета, в точности как наша. И там такие же люди. Это и странно, и интересно. А почему бы и нет? Вселенная — это бесконечность, а бесконечность включает в себя все. В том числе и копии нас с вами».

— Черт его знает, — говорит Генка. — Вроде бы верно, а не верится.

— Есть и теория пульсирующей Вселенной, — говорит Кузьма. — Или слишком заумно, или слишком огромно. Ладно, пора.

Они, однако, не расходятся. День был, все-таки, единственный в своем роде. Ступенька вверх. В такие дни особенно остро чувствуется возмущение.

— Ген, когда тебе начала нравиться Лиля? — спросил Сали.

— Помните, в апреле Михаил приболел, и мы пошли его проводить. Смотрим — хата пострадала от ливня, на стенах промоины, а внутри чисто, даже уютно. Ну, поговорили, посочувствовали, обменялись новостями. И тут входит Лилия, на подносе чай, печенье, орехи. Поблагодарила, что зашли. И вдруг говорит: «Хочу, чтобы вы все были счастливы». Не просто сказала, а как-то особенно, от души. Я вздрогнул, так это прозвучало. И у меня словно открылись глаза. Вот, думаю, ты какая. Вовсе не озлобившаяся, не завидующая людям, которые здоровы. У меня аж слезы навернулись.

— А чистый платок у тебя тогда был?

— Если по-правде, то не был.

— Тогда правильно, что ты сдержался.

— С тех пор я думаю о ней. Сама в тисках этой болезни, улучшения почти нет — и будьте все счастливы, я этого, ребята, очень хочу. Ну, разбежались? Мне уже будет по шее.

— До завтра!

Спать, однако, не хотелось. Это был невообразимо длинный, очень вместительный день. Они переступили — и Кузьма это чувствовал — через какую-то многозначущую черту, и теперь и в нем самом, и в его жизни должны начаться важные перемены. Хочешь не хочешь, а начнутся.

XI.

Кузьме нравилось лежать без движения. Усталость словно высачивалась из кончиков пальцев. Как, оказывается, лопата может обессилить человека! Или это с непривычки? Горят ладони, ноют руки, спина. Сожмешь руку в кулак, особенно правую — ладонь болит изнутри. На губах все еще вкус пота. Да, день был что надо. Вечером за ужином он с трудом подносил ложку ко рту. Но, раз он надумал стать строителем, надо начинать с азов, с лопаты и мастерка. Вчера, когда он предложил взяться за это дело, он не знал, что так вымотается, но хотел именно такой успокаивающей усталости. Она лишает человека всех желаний, но оставляет чувство принесенной пользы. Начали они неплохо. Он думал, что Мила заартачится и не придет. Ему хотелось, чтобы она не пришла, он бы чувствовал себя свободнее. Но она пришла. И Генка улизнул от деда, сказал что-то насчет субботника в школе. Как будто его деда надо обманывать. Михаил удивился, когда они ввалились к нему всей оравой. Хорошо, что не сказал: не стоит, мы сами, это лишнее. Принял как должное, но был тронут. «Вы все ко мне? — сказал он. — Хошар — старинный узбекский обычай. Лиля, ты со всеми знакома? Это мои десятиклассники». Михаил еще не знает, что они будут приходить каждый день, до новоселья. Если бы он знал, он бы, наверное, вообще ничего не

сказал. Вблизи он совсем не слаб. В нем еще много чисто юношеской веселой энергии.

— За дело, так за дело, — сказал он и положил тонкую, перевитую венами руку на отполированную ручку лопаты. — Видите этот отрезок траншеи? Здесь все в норме, глубина и ширина. Шнур натянут везде, только не обрывайте. Вперед!

Лиля улыбнулась. Ей нравилось, когда отец бывал в настроении. Ух, и худющая же она! Высокая, а шея прозрачная, и руки прозрачные. Лиля на целую голову выше Ады и Милы. Была бы здорова, играла бы в баскетбол. Теперь же с ее лица не сходит страдальческая улыбка. Генка сразу потянул лопату из ее рук, и Михаил одобрил это: вскипяти, говорит, Лиля, нам чаю и подумай об обеде. Она поставила на ребро два кирпича, наколола щепы, и под кастрюлей заплесал огонь. Когда она отошла от костра, можно было подумать, что ее румянец — от огня. Наверное, Лиля очень остро чувствует, что она не такая, как все. Все здоровые, все могут работать и не уставать, купаться в Тал-арыке, ходить в горы. А она не может.

Кузьма лег на спину. Вот это усталость! Принуждаешь себя сделать даже легкое движение. Между ветвями деревьев — звезды. Он правильно поступил, что перебрался спать во двор. Избавился от духоты. И потом, можно приходить поздно и никого не будить стуком в окно. Это уже свобода, не такая полная, о какой он мечтает, но все-таки. Пора уже перестать спрашивать у него, где он был и что делал. Он достаточно взрослый, чтобы бывать там, где ему хочется, и делать то, что считает нужным. И отвечать за то, что делает. В этом ему вполне можно доверять. Опекать родителей, конечно, терпима, но лучше, когда ее нет.

Он стал смотреть на одну яркую звезду, светившую в

разводя листьяв. Звезда переливалась спокойным голубоватым пламенем. До нее было страшно далеко, но все-таки она была в пределах, доступных его воображению. Пространство и время—что это за свойства материи? И почему только время, единственное в природе, движется в одном направлении? Для всего найден свой антипод. Наверное, в природе существует и антивремя, но его еще не открыли. Или его существование невозможно? Едва ли он силен в таких вещах, это уже область гипотез. Интересно, как это объясняет Прокудин. Он охотно беседует на отвлеченные темы, не считает это блажью.

А рьяно они принялись утром за работу. Впереди Михаил, за ним они трое, потом девушки, зачищавшие уже готовую траншею. Лопата входит в землю на полный штык от нажатия ногой. Он вспомнил упругое движение лопаты, вонзающейся в землю. Раз—и ком земли летит на бровку, раз—и летит еще ком. Просто и нетрудно. А через десять минут уже вытираешь пот и чувствуешь, как деревянеют мышцы. «Не так скоро,—сказал Михаил Артемович.—Это не кросс на приз газет «Правда Востока» и «Совет Узбекистони». Таким темпом вы быстро доконаете меня, старика». Конечно, он мог принять их темп, но не хотел изнуряющей усталости. Пусть каждый сообразует расход энергии со своими силами. Он не скупился на перекуры. После первого перекура он куда-то сбегал и всем раздобыл брезентовые рукавицы. Чтобы лопата не мозолила рук. Добрый, предусмотрительный Михаил. Генка отказался от рукавиц, похвастав своими твердыми мозолями, а к вечеру стыдливо прятал руки. Двадцативосьмикилограммовая болванка и черенок лопаты—не одно и то же. Кузьма же сразу надел рукавицы.

Он уязвленно подумал, что, все-таки, уставал быст-

рее, чем Генка и Сали. И быстрее, чем Ада. Но он крепился и не показывал вида, и со стороны было незаметно, что каждая новая лопата земли дается ему с трудом. Только Мила уставала быстрее и не стеснялась отдыхать, опираясь на лопату, как на посох. И правильно, что не стеснялась. А он подгонял и подгонял себя — и переутомился. Ни Генка, ни Сали сейчас не лежат пластом. Что ж, спорт—великое дело. Ему и отец об этом говорил, а он предпочитал книги. Лишь в последнее время, когда особенно стыдно стало быть слабее одноклассников, он приобрел гантели. Но спортивной секции гантели не заменяют. Вот Ада тянула так же, как Генка. И еще посмеивалась над ними—где это, говорит, вы водой облились?

Кузьма увидел, что старается представить Аду совершенно такой же, какой она была в траншее, с большой лопатой в руках. Ему никогда не надоедало думать об Аде. В десятом классе у нее у одной останутся косы. Косы—это красиво, хотя и немного патриархально. Но ей пошла бы любая другая прическа, ей все идет. А Мила отрезала косы еще в седьмом, и ей ничего не было от учителей, потому что она активистка. С ее легкой руки это сошло и остальным. Отрезав косы, девочки странно выросли. Ада не страдала этой показной взрослостью, ей некого удивлять. Она и без того загляденье. Сегодня оделась проще некуда, но что бы она ни одела, она заслоняет Милу. Или это лишь его восприятие Ады? Кузьма не думал, что присутствие Ады волновало его весь день, и мысли о ней продолжают волновать его сейчас. Думать об этом—значило бы слишком углубляться в самоанализ. Ада нравится Сали, и все. Здесь дело ясное, здесь и думать нечего. Но думать об Аде как о самой красивой девушке, и думать только о

ней, а не о ней и о себе—это разрешается, в этом нет ничего обидного для Сали.

Ладно, хватит об этом. К обеду они почти добились котлован. Кузьма подсчитал—выброшено двенадцать кубометров. По три куба на брата—нормально. Михаилу бы этого хватило дня на два, не меньше. У него, наверное, туго с деньгами, иначе бы нанял бригаду шабашников.

Потом Лиля кормила всех супом и поила чаем. Она не ела со всеми, а сидела в сторонке и старалась угадать, по выражению лиц работников, хорош ли суп. Хвалили дружно, но еще до того, когда начали хвалить, она поняла, что суп удался, и засияла.

— Лилия, у вас золотые руки! — польстил Генка. — Плесните-ка еще!

После обеда приехала разболтанная школьная полуторка, по которой ребята познакомились с азами автомобилизма. Они как раз окончательно разделались с котлованом и отдыхали, присев в узкой полосе тени у забора. «На Чирчик!—скомандовал Прокудин.—Для фундамента нужен булыжник. Нагрузим и выкупаемся. Одобряете?»

— Мы знаем место!—стал объяснять Сали.— Там и булыжник, и глубоко. Там экскаватор работал!

— А как же мы? — спохватились девчата.

— Заедете за купальниками, только не копать, — распорядился Михаил Артемович. И вдруг, преобразившись, запел: «Надоело говорить и спорить и любить усталые глаза. В флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса».

Замечательно пел старик. Не то чтобы у него голос, у него и в молодости его не было. Но он пел от души, стараясь передать свое восхищение жизнью и признательность им, его ученикам. Эта бодрая, жизнеутвержда-

дающая песня делала учителя как бы их сверстником и товарищем, стирала возрастную грань.

Кузьме показалось, что над старенькой полуторкой взвились белые, пахнувшие морем паруса, наполнились упругим ветром, и их корабль, кренясь и поскрипывая деревянными бортами, взял курс на Чирчик, где у залива Безымянного были богатые россыпи булыжника. Они ехали и ликовали. Затем нагрузили машину крупным булыжником и, на бегу сбросив рубашки, нырнули в прозрачную воду чирчикской протоки. Легли на песок, подставив солнцу бронзовые спины. Сали восхищенно шепнул: «Я же говорил, Ада лучше. Смотрите, смотрите!»

— Мда,— буркнул Генка,— а кто спорил?

Кузьма не отрывал от Ады пристального, светящегося восхищением взора. Мила тоже была хороша, почти безукоризненно хороша, но рядом с Адой проигрывала неуловимой рыхлостью тела, которую можно обнаружить только тогда, когда рядом есть эталон действительно совершенный. Кузьма смотрел на Аду сузившимися глазами и не пытался представить ее без купальника. Не то чтобы это было кощунством. Просто в Аде ему было достаточно того, что не скрывала одежда.

Потом Генка поднялся и подсел к Лиле. Лилия не купалась, и рядом с ее белым платьем Генкина спина была неестественно черной и широкой. По всем признакам, Генка должен был блеснуть красноречием, но со стороны этого не было видно. Они просто сидели, и Генка сосредоточенно разглядывал что-то на песке. Потом они поплавали еще. Сали, взяв в руки тяжелый булыжник, прошел с ним по дну протоки с берега на берег. Было видно, как он идет под водой, время от времени пуская пузыри. У Генки не получилось, и он немедленно был объявлен слабаком. У Кузьмы тоже не получи-

лось, но он знал, еще до того как вошел в воду с большим камнем в руках, что у него не получится. Он даже специально вошел, чтобы оттенить превосходство Сали. Ада сочувствующе улыбнулась ему, и эта улыбка была как раз тем, чего ему не хватало для полного счастья.

Плыла ночь, темная, прохладная, и в этой ночи Кузьме улыбалась Ада.

ХII.

Прокудин не ждал, что молодежь придет и на второй день. Он ведь никого не просил, не хотел одолжений. Но практически у него не было иного выхода, чем принять эту помощь. Пригласи он людей со стороны, и ему нечем было бы оплатить материалы. Болезнь Лили требовала расходов.

Его шаги слышали за изгородью, откуда нестройно раздалось: «Здравствуйте, Михаил Артемович! Мы слышали, у вас землю копают? Разрешите и нам, мы со своими лопатами!»

— Сегодня у нас ведут кладку, — в тон ответил Прокудин.

«Резвлюсь, — подумал он. — Пятьдесят семь, а резвлюсь. Им нравится, и мне, старику, нравится. Рядом с ними у меня расправляются плечи. Хорошо, что они пришли. Была ли моя молодость такой?» Он увидел, что во многом его юность была похожа на юность этих веселых, умных ребят и девчат, а во многом была другой, более суровой. Он помнил недоедание и трудную работу взрослых — это было время первых пятилеток. Конечно, его юность нельзя сравнить с юностью его учеников. Она была, все же, беднее событиями. Зато он повоевал в Отечественную. Но солдатом он стал в зрелые годы, двадцати девяти лет.

— Лиля, держи! — Прокудин увидел, как Генка про-

тянул его дочери янтарную розу, нежный бутон, только что срезанный с куста.

— Ой!— воскликнула Лиля, краснея, прижимая к груди руки.— Это мне? Почему... мне? Спасибо, спасибо!

Это была первая роза, подаренная его дочери, и Прокудин понял, что должно сейчас происходить в ее груди. Смятение. Благодарность. И — спешное возвращение с облаков на землю, где ее жизнь складывалась совсем не так, как она бы хотела. «Не знал я раньше этого паренька, что ли? — спросил себя Прокудин. — Думал — прилежный, старательный середнячок. Ответы строго по учебнику, умение, почти талант никогда не спорить, умалчивать о собственном мнении. И вдруг сегодня эта роза. Он срезал ее для Лили, иначе она была бы в руках Герасимовой или Исаевой. Задача. Побольше бы таких приятных задач».

Он перевел взгляд на Аду. Уже давно, год или два, он хочет, чтобы его Лиля была такой, как Ада.

— Михаил Артемович, пора класть первый камень!

Это Исаева. Да, чего же он медлит? Утром, пока прохладно, самая работа. Сначала был тщательно разработан ритуал первого камня. Ада и Мила замесили раствор. Генка и Сали подошли с носилками к куче камня и, выбрав круглый и увесистый, положили на носилки и понесли к старику, спустившемуся в траншею. Кузьма принял камень и протянул учителю. Лиля бросила на дно траншеи оранжевый пятак. Сверху вылили ведро раствора. И на раствор, как в мягкую постель, лег круглый, величиной с хорошую дыню, камень. «Вот он, поросенок!» — возвестил Кузьма.

— Навечно!

Это было сигналом к общему наступлению. В траншею полетел булыжник. Первый ряд клали насухо, а сверху заливали раствором. Используя булыжник, Про-

кудин сэкономил кирпич. Школа выделила ему машину, а булыги на Чирчике сколько угодно. Раствора, правда, требуется больше, но перерасход цемента не идет в сравнение с экономией кирпича. Да, при таких темпах, кажется, он встретит зиму в новом доме. Ребята кладут на носилки столько, сколько могут поднять. Дух состязательности у них неискореним. Мускулисты, рослы, не то что его сверстники сорок лет назад. И знают не в пример больше.

— Дядя Саша приедет?— спросила Мила.— Сегодня у нас купальники с собой.

Учитель посмотрел на тающую кучу булыжника и решил, что надо будет сделать не меньше четырех ходок. «Двоих поставлю на погрузку, — подумал он. — Парня и девушку. Нет, другие, наверное, будут против постоянных грузчиков. Это ведь Чирчик, всем хочется. Значит, по очереди. Кто будет парень и девушка для первого рейса? Черт, я до сих пор ничего не подметил, а ведь не может быть, чтобы здесь кто-то кому-то не нравился. Их время—возраст любви. Он вдруг открывает ее, она — его. Старик, ты теряешь главное качество сапера — наблюдательность. Присмотрись повнимательнее, не торопись. Кажется, возле Исаевой пустота. Девчонка слишком самонадеянна. Обидно, ведь тут и моя вина. Кузьма, ты как относишься к Людмиле? Никак? Да, никак. Разумеется, тебя интересует Герасимова. Быстрый взгляд в ее сторону, ваши взгляды встретились, конечно, случайно, ведь в них только любопытство, но ты выдал себя тем, что слишком поспешно отвел глаза и покраснел, как будто на Аду нельзя смотреть так, какмотришь ты. Ладно, вы и поедете».

— Раствор! Камень!

Класть фундамент труднее, чем копать землю. Много времени уходит на подноску. Вчера неудачно разгрузи-

ли камень. Следовало ближе к бровке и не в одном месте. Будет учтено. А как неумело девочки готовят раствор! Масса лишних движений.

— Перекур! — скомандовал он.

— Михаил Артемович, наши мальчики не курят.

Это Ада. Она-то еще свеженькая, даже не разругивалась. А Мила с трудом ворочает лопатой. Да, спорт — великое дело. Надо было бы и для Лили придумать какую-нибудь гимнастику. На улице — дребезжание мотора, дожившего до пенсионного возраста. Дядя Саша приветствует всех веселой улыбкой, подходит к ящику с раствором и берет из рук Милы лопату. У него ладные, привычные движения и наметанный глаз: подлил немного воды, и раствор сразу стал пластичным. Теперь перекур организуется сам собой.

— Так-то, красавицы! — подмигивает дядя Саша. — Кто со мной?

— Я думаю, двоих тебе хватит. Ну, сначала пусть едут Герасимова и Любимцев, — сказал Михаил Артемович.

Кузьма вспыхнул и живо возразил: «Я бы хотел позже, а сейчас...»

— Пусть едет Сали! — подсказал Генка.

Ада гордо сжала губы и, повернувшись, подчеркнуто прямо пошла к машине, словно показывала, что здесь работа и потому совершенно не важно, кто с ней поедет. Лично у нее нет и не будет возражений против кого-либо, но, раз учитель назначил Кузьму, невежливо отказываться. Теперь и Сали покраснел. Несколько мгновений в нем боролись противоречивые чувства, затем, склонив голову, он решительно отправился вслед за Адой. «Недоглядел, — подумал Прокудин. — Запутался в тонкостях. Значит, не только Любимцев, но и Муслимов».

— Пап, я тоже хочу на Чирчик!— сказала Лиля.

— И ты поедешь, конечно.

— Мы с Лилей нагрузим не меньше других,— сказал Генка. — Лишь бы рессоры выдержали. Была бы трехтонка! Полуторка, можно сказать, сама себя катает.

«А Любимцев переживает,— отметил Прокудин.— Сидит, задумался и ни слова. Воображает, как было бы здорово, если бы с Адой поехал он. А сам отдал поездку Сали. Что ж, у дружбы свои законы».

Заливая раствором новый ряд булыжника, он вспомнил, что туберкулез у дочери начался в тот злополучный год, когда умерла его жена. Смерть матери ударила и по дочери. От переживаний у нее открылся процесс. И вот уже шесть лет болезнь то отступает, то вновь бросается в атаку. Теперь, после фтивазида, ей лучше, но врачи заявляют, что одного фтивазида мало. Если бы этот дом помог ей встать на ноги, если бы...

ХIII.

Отдыхая, они сидели в пестрой тени живой изгороди и пили чай. По узбекскому обычаю: неторопливо, из одной пиалы, которую наливали едва на треть и которую обходила всех по кругу бессчетное число раз. Только Лилия сидела несколько в стороне и пила из стакана. Болезнь приучила ее держаться в стороне и больше слушать, застенчиво улыбаясь, нежели говорить самой. Кузьма покосился на Аду. Девушка смотрела, как неподалеку ворковали горлинки. Они отличались от голубей однообразием окраски и меньшими размерами. Но ворковали совсем по-голубиному и самец обхаживал самку с нежным упорством. «Была возможность, единственная в своем роде, а я ее упустил,—подумал Кузьма.—Взял и упустил. Сказал, чтобы ехал Сали.

Что-то подтолкнуло меня сказать это. Она обиделась. Сали потом жаловался, что и туда, и обратно они ехали молчком. Получилось, что я оказал ему медвежью услугу. Но иначе было нельзя, иначе было бы не по-товарищески».

— Что-то Мила не пришла,— сказал Михаил Артемович.

— Дома что-нибудь затеяла,— сказала Ада.

— Ребята, вы, пожалуйста, не стесняйтесь!— заволаговался учитель.— Если у вас дела, вы не приходите, не ставьте это себе в обязанность. У вас каникулы!

— И мы должны отдохнуть и набраться сил,— сказал Кузьма.— А мы что делаем? Отдыхаем и набираемся сил. Я чувствую, как наливаются мои мускулы. Мы делаем только то, что нам полезно, и вы, пожалуйста, не возражайте.

Полуторка мчалась по окраинным улицам. При желании ее можно было представить бригантиной, лавирующей в архипелаге островов. Несмотря на ветхость, бригантина хорошо слушалась руля: у шкипера дяди Саши была твердая рука. А в его кармане лежал оплаченный талон на две тысячи штук жженого кирпича, и это означало, что на кирпичный завод будет совершено четыре ходки, не больше и не меньше.

— Сейчас мы обойдем эту баржу,— сказал Сали, имея в виду грузную трехтонку.— Держу пари, дядя Саша прибавит парусов!

— Еще бы! Он старый морской волк и не потеряет, чтобы у него по курсу маячил этот сундук,— сказал Кузьма.

Они обогнали трехтонку. Два раза их ощутимо потряхнуло.

— Обшивка корабля скользнула по рифам! — прокомментировал Кузьма. — Проверить, как в трюме! Есть! В трюме сухо.

— Садись! — скомандовал Генка. — Не видите, пост ГАИ.

Морские волки послушно уселись на выщербленные доски кузова. «Кусается?» — спросил Генка, видя, что Сали беспокоит свежая заноза. — Признайся, только что ты чувствовал себя подплывающим к Мадагаскару. Но тут тебе в одно место впиалась заноза. Хочется почесаться, да?».

— Приедем домой, я тебя прищучу. Без занозы зачешешься.

— Ладно, шутки в сторону. У тебя как с Адой?

— Никак, — проронил Сали. И потускнел.

— Почему — «никак»? — спросил Генка. Кузьма прикусил губу. Он разглядел в себе что-то похожее на удовлетворение. Он не должен этому радоваться, такая радость — чистое предательство, подножка другу, который и любит тебя, и верит тебе, и готов для тебя на все.

— Не знаю. Не нравлюсь я ей.

— Сказал тоже. Из нас троих ты самый представительный. Будь я девчонкой, я бы смотрел только на тебя. Ты, наверное, теряешься, не умеешь в ее обществе быть самим собой?

— Наверное, — согласился Сали. Он не был расположен говорить на эту тему.

— Это потому, что ты боготворишь ее. — Генка хотел предельной ясности. — А ты считай ее обыкновенной.

— Как обыкновенной? Какая она тебе обыкновенная?

— Ладно, ладно. Она пуп земли и все такое. И че-

ловечество прозябает в несчастье лишь потому, что незнакомо с Аделаидой Герасимовой.

— Ослоумно.

— Для тебя стараюсь,— обиделся Генка.

Сали стало неловко за бестактность. Но просить прощения он не собирался. Сказал лишь: «Иногда мне кажется, что мы друзья, а иногда вижу, что мы вовсе не друзья, что я грубо набиваюсь ей в приятели, а она не хочет этого и даже мучается от того, что не хочет. Что верно, первое или второе?».

— Здесь просто нужно время,— сказал Кузьма.— И все образуется. Ведь она ни с кем не дружила, а это не так просто — решиться на дружбу с мальчиком.

— Для Милы это было просто,— намекнул Генка.

— Я понимаю, я, можно сказать, тоже так думаю, но одно дело догадываться, почему это так, и совсем другое — видеть ее холодность. Я начинаю принимать это за счет своей неловкости. Каких только мерзостей не наговоришь себе в эту минуту. И все правильно.

— Устами этого младенца глаголит любовь, — сказал Генка.— Ладно, приехали, надо работать.

— Эй, полуторка, едь сюда! — распорядился рабочий-узбек в спецовке, желтой от кирпичной пыли.— Давай талон!

Рабочий, толкая перед собой тачку, скрылся в черном зеве печи. Кузьма приблизился к овальному отверстию. Оттуда тянуло жаром, который не шел ни в какое сравнение с полуденным июньским зноем. Минут через пять рабочий выкатил тачку, доверху нагруженную кирпичом, опрокинул ее и присел тут же в тени, ловя воздух мокрыми, широко открытыми губами. Кузьма дотронулся до кирпича и отдернул руку — впечатление было такое, словно он прикоснулся к утюгу,

про который по ошибке сказали, что он холодный. Рабочий усмехнулся: «Попробуй нагрузить!»

— А сколько штук класть?

— Сто. Как раз сто. Азмас будет. На рукавицы.

Кузьма взял горячие, с потертыми пальцами брезентовые рукавицы. Оглянулся, ища поддержки Генки и Сали. Он боялся входить в черный зев печи один.

Ребята стояли метрах в двадцати, и позвать их значило проявить слабость. Ладно, он же не рисуется перед ними.

«Этот рабочий изо дня в день грузит кирпич в горячей печи, и я должен справиться с одной тачкой»,— решил он и взялся за железные ручки. Тачка тяжело пошла по толстой березовой доске. Короткий, с одним поворотом туннель привел Кузьму в помещение со сводчатым потолком и без источников света. Здесь все — шершавые стены, низкие своды и пыльный пол — излучало жар, который казался нестерпимым. У Кузьмы перехватило дыхание. Рубашка прилипла к спине, по лицу покатились крупные капли пота. Первой его мыслью было бежать. «Этот рабочий... изо дня в день... и ничего»,— мелькнуло у него в голове, и он сказал себе, что не выйдет отсюда с тачкой, на которой было бы меньше сотни кирпичей. То, что выдерживают другие, выдержит и он. Лицо жгло малиновым жаром. Рот и легкие тоже. «Быстрее,— подбадривал он себя,— рабочий управился в пять минут. Если я буду копаться, я попросту сжарюсь. Быстрее, быстрее!» Действуя ощупью, он развернул тачку — черт, надо было еще и привыкать к темноте — и принялся нагружать ее кирпичом. Без рукавиц он бы не смог к кирпичу прикоснуться. Да, их надо класть не навалом, а плотно один к одному. Иначе не разместить сотню.

Своды обдавали жаром, штабеля кирпича — тоже.

И пол. Всестороннее облучение жарой. Кирпичу не давали остыть, чтобы печь не простаивала непроизводительно. Шаг к штабелю, и два кирпича на тачке. Новый шаг. И еще, еще, еще. Почти нельзя дышать. Да, но когда лезут в топку неостывшего котла для ремонта, чтобы предотвратить простой предприятия или вернуть скорость кораблю, это жарче. А каково танкистам в подожженном танке? Еще шаг к штабелю. Может, хватит пятидесяти штук? Жалкая мыслишка. В его тачке должно быть ровно сто кирпичей. Первый ряд — двадцать пять штук — лежит. И второй. Так. Не печь — жаровня. Теперь третий. Пота уже нет, высох.

И никто не видит, как это тяжело. Пить хочется. И нужно еще ряд. Ну, еще немного.

Штабеля кирпича стали вырисовываться лучше. Кузьма медленно привыкал к темноте. Теперь он увидел, что может брать кирпичи ближе. Последний ряд, невероятно трудный последний ряд. Как этот узбек здесь тянет изо дня в день? Ведь ему приходится нагружать тысячи штук. Еще немного. Шесть штук. Четыре. Два. Все. Все! Пить. Прямо из ведра, досыта. Теперь назад. Назад есть уклон, это легче. Хотя это предусмотрели.

Тяжелая тачка заскрипела по березовой доске. Поворот. Только бы колесо не соскользнуло с доски, тогда ему не поднять тачки. Еще поворот. Как ослепительно ярок день! И ветерок. Никогда не подумаешь, что днем в жару может быть такой прохладный ветерок. Теперь — отдышаться.

— Сто! — обрадовался рабочий. — Яхши, жуда яхши.

Его увидели Генка и Сали. Подбежали. Конечно, они тоже попробуют. Давайте, полезайте. Это вам не болванку вверх-вниз. Отдыхая, Кузьма упивался побе-

дой. Он был счастлив. Ему казалось, что он сдвинул гору, совершил подвиг. Нет, он не просто выкатил тачку из печи, он заставил себя ее выкатить. Сали тоже выкатил полную тачку кирпича. Не быстрее Кузьмы. И сказал: «Знаешь, я бы бросил ее к чертовой бабушке, если бы не твой пример. Как ты ее выкатил?» Кузьма улыбнулся. А у Генки тачка соскользнула с доски, он позвал на помощь Сали и немедленно был объявлен слабачком. Погрузить кирпич в кузов автомобиля в сравнении с тачкой было сущим пустяком, детской забавой.

XIV.

Цоколь они сложили из жженого кирпича, а для стен должны были изготовить кирпич сами — сырцовый. Не беда, что их кирпичный завод был оборудован техникой времен Робинзона Крузо. Приобретя сноровку, они намеревались довести его производительность до трех тысяч штук за день. Кирпич лепили из пластичной, равномерно увлажненной глины. Готовить глину было труднее, чем формовать из нее кирпич. Генка направил на кучу сухой глины струю воды из шланга. Глина зашипела. От компактной кучи потекли оранжевые ручейки.

— Не умеешь! — заволовался Сали. — Распустил нюни, как дошкольник, которому не повязали салфетку!

— Убил! — сказал Генка. — На, поливай.

— Ребята, чего это Милка филонит? — сказал Сали. — Третий день пропускает. Хотя бы причина была какая, а то говорит: «Я просто устала, не могу же я убивать на это каникулы». Диссонанс в нашей компании.

— Она еще пожалеет об этом, — сказала Ада.

— Любопытно узнать, почему?
— Что же здесь непонятного? Ей станет стыдно, что мы сделали больше. Вот увидите.
— А если нет?

Глина медленно размокала. «Глине надо закиснуть,— сказал Прокудин.— Это почти то же самое, что гасить известь. Помните, римляне для своих колизеев гасили известь по двадцать лет?»

— Тише едешь — дальше будешь, — ответил на это Сали.

Глина пускала веселые пузыри. «Теперь надо помять ее ногами, — сказал Генка. — Я знаю». Сали, спрятавшись за Генку, снял брюки. «Вы не лезьте, хватит, что я один выпачкаюсь», — заявил он. И глина зачавкала под его ногами. Месить ее было так же трудно, как лезть на крутую гору. Засасывая, глина не пускала назад.

— Как ты быстро сбавил темп, — удивился Генка.

— Ерунда, — отмахнулся Сали. Признаваться Генке, что месить глину тяжело, было нельзя ни в коем случае.

— А нам пока что делать? — спросила Ада.

— Плотничать будем, подмости сколотим. Кирпич выложит свое, а у нас уже все готово, чтобы стены класть, — сказал Прокудин.

Глина продолжала чавкать под ногами Сали. Чмок-чмок-чмок! С похожим, но более слабым звуком ударяются о воду первые крупные капли весеннего дождя.

— Ада, как ты... чтобы сегодня в кино? — спросил Сали. Коряво спросил, потому что мучительно долго заставлял себя спросить.

— Если все... Нет, сегодня у меня тренировка. Завтра.

Вопрос застал ее врасплох, она думала о своем, бы-

ла занята какой-то своей, не новой, но горячо любимой мыслью.

— Ты сейчас что-то вспомнила, — сказал Сали. — Что?

Он старался найти верный тон, а это было тяжело. «Об этом не спрашивают, — подумал Кузьма. — Она не скажет».

— Так, ничего, — ответила девушка. — Даже не знаю, что на меня нашло. Витание в облаках. Не могу сказать, зачем.

«Сходить бы с ней в горы, — подумал Кузьма. — Только так, чтобы нас было двое. Она и я. И безмолвие скал, безмолвие теплого ветра, дующего в лицо. Безмолвие березовых рощ, безмолвие альпийских лугов. И костер. И возле ночного костра она и я. На ее лице блики костра, а за спиной ночь. Ей хорошо, и она не жалеет, что выбрала меня в спутники. Я угадываю ее мысли, на меня находит ясновидение. Ее душа так же открыта моему взору, как и костер, который нас согревает. Потом я говорю, что мне с ней очень хорошо, и она отвечает, что знает это и что может сказать это же про себя. А в костре загадочно мерцают угли, и в полете оранжевых искр, в игре теней тоже загадка. И мы больше не расстаемся. Вместе строим город у большой таежной реки, или в горах, или у моря. Или в пустыне, у месторождения, открытого ее экспедицией».

— Кузьма, попробуем? — сказал Генка и насыпал песок в смоченную форму. Песок не позволит глине прилипнуть к дереву. — Этот гаврик, правда, ничего не намерсил, но для пробы сойдет.

— Ты близко встал ко мне, — сказал Сали. — Глина чавкает и брызгается и на тебя может брызнуть. А ты думаешь, что я нарочно. А это не нарочно, а потому, что ты встал близко.

Ребрами ладоней Генка отрезал от размокшей глиняной массы ломоть, которого должно было хватить на кирпич, немного покатав его, припудрил песком и, приподняв, с силой шлепнул в форму. Излишек соскреб ладонями. Форма была на четыре кирпича. Генка действовал довольно сноровисто. Чувствовалось, что он не только видел, как делают сырцовые кирпичи.

— Где ты научился? — спросила Ада.

— У матери, в прошлое лето.

— Помнишь Генкин коричневый костюм? — спросил Сали. — Он его на свои деньги купил и одевает по торжественным дням. Раньше, чем через десять лет не сносит.

— Сказал! Я вырасту из него через три года.

— Это ты сказал. Тебе станет жалко из него вырастать, и ты перестанешь расти. — Сали часто удавалась ирония.

Крякнув, Генка поднял форму, отнес метров на десять и осторожно перевернул над самой землей. Кирпичи были ничего.

— К вечеру их будет тысяча! — крикнул Кузьма.

— Я один делал по восемьсот, а здесь нас пятеро. К вечеру их будет здесь две тысячи, желтопузиков, — сказал Генка.

Он вторично заполнил форму глиной. Эти кирпичи были лучше. Как игрушечные, с ровно обведенными гранями.

— Дай-ка я! — сказал Кузьма. И старательно заполнил форму. Один кирпич у него получился хороший, а три прилипли к деревянным стенкам формы. Он покраснел, стушевался и спрятался за широкую Генкину спину. Формой завладел Сали, но и у него получилось не лучше. Ада испортила только один кирпич, а три других ничем не отличались от Генкиных.

— Берите у Ады уроки, — похвалил он. — Итак, форму заполняю я, — разъяснил Генка принципы общественного разделения труда. — А вы у меня подсобничаете. Прошу соблюдать трудовую дисциплину. Давай поворачивайся, бегом! Сали, я тебе говорю. Ты будешь главный подносчик.

Генка не соврал. Часам к пяти на солнце действительно загорали две тысячи кирпичей. Он всех вогнал в пот, но сдержал слово.

XV.

За окном сгущались сумерки, но Кузьма этого не видел. Он читал рассказы Джека Лондона. «Читал» будет, пожалуй, слишком слабо. Он проглатывал их. Проглатывал и наслаждался. Наконец в его руки попала стоящая книга. Это — настоящее: и писатель, и его герои. Кузьму позвали пить чай — он не сдвинулся с места. Он уже жил в мире образов, созданных писателем, который так любил приключения и мужественных людей, без которых не бывает приключений. «Кузьма!» — раздалось за окном. Он недовольно отложил книгу. Выглянул — Сали поманил его выйти.

— Идем со мной! — сказал он без предисловий.

— Куда?

— Знаешь спортзал транспортного института? Ада там тренируется. Ну, посмотрим, а потом проводим домой. Или ты занят?

— А если ты сам? — Кузьма уже знал, что пойдет туда, где Ада.

— Один боюсь. Не смогу один, честное слово. Буду ходить рядом и не подойду. Я бы Генку позвал, да он как-то груб в таких делах. Засмеет, а потом, к случаю и не к случаю, будет вспоминать. У нас с ним так повелось: он меня подначивает, я — его. Знаешь, вечерами

я часто хожу к ее дому, просто так, посмотреть на свет в окне. Радуюсь, когда мелькнет ее профиль. Это такое... такое чувство! Идем?

— Идем.

Кузьма был и удивлен, и странно обрадован откровенностью Сали. Обрадован настолько, что в душе искренне пожелал ему успеха. Без мысли о том, как этот успех отразится на нем, Кузьме. Так и надо. Надо часами стоять возле дома любимой девушки, ждать и мучиться, а потом, когда она выйдет, спрятаться за дерево и смотреть издалека. Она пройдет, и волна счастья отхлынет, и снова засосет в груди, но от этого не станет плохо — от этого никогда не становилось плохо. Наоборот, этого ощущения будет хотеться еще и еще, и хотеться сильнее, чем чего бы то ни было другого: походов на Тал-арык, рассказов Джека Лондона...

К спортивному залу транспортного института они вышли извилистыми, плохо освещенными улицами.

— Она и не старается заметить, что нравится мне,— продолжал Сали озабоченно. — Вернее, она все видит, но это не находит в ней отклика. Помнишь, я позвал ее в кино, она сказала — вместе со всеми. Со мной одним нет и нет.

— По-моему, она присматривается к тебе, но так, чтобы ты не обращал особенного внимания, — сказал Кузьма. — Она всегда спрашивает про твои выступления на ринге, но не у тебя, а у меня или у Генки. И вообще про тебя спрашивает, про твою мать, про отца. Я ей про твоего отца уже многое рассказал. Какой он был замечательный летчик и как ты хочешь на него походить.

— Да? — Сали не сумел скрыть улыбки.

«Ему необходимо мое участие,— подумал Кузьма.— Ободряющие слова, поддержка. Он и взял меня с собой,

чтобы я не позволил ему струсить в решительную минуту. Собственно, как он надеется ее проводить, если отсюда до ее дома минута ходьбы, ровно минута?»

Они встали под густым черным деревом.

— К окнам не будем? — спросил Кузьма.

— А чего? Ведь ничего зазорного. В зал входить не запрещено, значит, можно и к окнам. Нас не увидят. А переодеваются они в закрытой раздевалке. Можно! — окончательно решил Сали.

На лице его, однако, Кузьма увидел смущение. Где-то в глубине души Сали не соглашался с тем, что можно вот так просто, встав на цокоть, подглядывать, как тренируются девушки-гимнастки. Конечно, это неприлично — подглядывать. Если бы они открыто вошли в зал, тогда, пожалуйста. А вот так, украдкой, неприлично. Но их не увидят и не прогонят. И потом, они не просто ждут, а будут смотреть тренировку.

Где-то за черными деревьями громко заквакала лягушка. В густом воздухе шуршали летучие мыши. В стекло окна, у которого они встали, ударился большой ночной жук и упал на спину. Сали вздрогнул. Конечно, в такой вечер будут взвинчены нервы.

— Я сейчас подумал, смог ли бы я украсть, — сказал Сали. — Нет. Ни за что. Для этого надо так себя перестроить. Почти все в себе зачеркнуть.

— Да, — рассеянно сказал Кузьма. — А ты крал когда-нибудь?

— Нет.

— И я нет. Впрочем, да. Давно, в четвертом классе. Без спроса взял у матери из сумки пять рублей. Потом чуть не умер со стыда. Она обнаружила пропажу, но меня не стала допрашивать. При мне сказала отцу, что где-то оставила пять рублей. Не видел ли он? Нет, не видел. Куда бы они подевались? Ладно, найдутся.

— А зачем тебе было?

— Книги на толкучке продавали интересные.

Они прилипли лбами к теплomu стеклу. В ярком зале на клеенчатых матах разминались девушки. Грузный тренер жестами давал указания, проявляя, порой, удивительную подвижность. В нем было что-то от дирижера. Мелькали зеленые, красные, синие трико, белесые, каштановые и черные прически. Девушки отрабатывали элементы сложного упражнения, и это было красиво. И Кузьма, и Сали увидели Аду сразу. Кузьме показалось, что первой из девушек, на которую он посмотрел, была Ада, и это же показалось Сали. По взмаху тренерской руки девушки сделали шпагат. Для того, чтобы быть грациозными, приходилось трудиться и трудиться.

— Только у нее косы, — сказал Кузьма.

— У нее есть вкус. — Сали показалось, что в словах Кузьмы заключена излишняя горячность. Он замолчал, и Кузьма замолчал. А девушки продолжали тренировку, покоряя своей грациозностью.

— Если бы ты знал, как мне нужна ее дружба! Без этого я... ну, не полностью человек!

— Знаю, — сказал Кузьма.

По жесту тренера девушки разбились на четыре группы. Одна группа осталась на ковре, вторая облюбовала брусья, третья направилась к бревну, четвертая стала выполнять опорные прыжки. Ада первая ступила на бревно и непринужденно проделала упражнение. Лицо ее выражало сосредоточенность и, вместе с тем, удовлетворение. Ей нравилось, что она ни разу не погрешила против требований воображаемых судей, и нравилась легкость движений, выработанная тренировками.

— По мастерам работает! — сказал Сали. — Как будто днем не делала кирпичи. Мне бы ее хладнокровие.

Кузьма подумал, что на ринге Сали действительно не хватает хладнокровия.

Ада повернулась на бревне, сохранила равновесие, и одна из девушек восторженно захопала. Очевидно, ей самой не давался этот сложный элемент, и она радовалась мастерству подруги. И Сали захопал. Забыл, что это не соревнование и он не на трибунах. Кузьма положил руку ему на плечо. Сали спохватился и отступил в темноту. Как будто его могли увидеть из ярко освещенного зала и пристыдить.

— Музыка, правда?— благоговейно прошептал Сали. — Высокопарно, да? Тебе не смешно?

— Не смешно,— улыбнулся Кузьма. Но промолчал о том, что чувствует примерно то же.

Выполнив изящный скачок, Ада поправила волосы и села на скамейку. С нею сразу зашептала одна девушка, потом вторая. Ада улыбнулась и скользнула взглядом по черным окнам, словно почувствовала, что на нее смотрят. Кузьма инстинктивно отпрянул назад, и Сали за ним. Ада вышла через полчаса, окруженная стайкой подруг. Прозвучали слова прощания, и она повернула к своему дому. «Подойдем?» — трепетно спросил Кузьма. Ему и хотелось, и не хотелось подходить. Он волновался и стеснялся не меньше Сали, но не показывал вида.

— Сейчас, сейчас! — сказал Сали. — Минутку, не сразу же.

Если они подойдут, Аду охватит замешательство. Вот она прошла половину расстояния до своего дома. Стучат ее каблучки, четко обрисовывается силуэт. Теперь — три четверти расстояния. Вот угол дома, а вот ее подъезд. Еще можно окликнуть.

— Ну? — спрашивает Кузьма и знает, что не сделает шага ей вслед и не окликнет. Он позовет мысленно, а

вслух — ни за что. «Ладно, — с тяжелым вздохом произносит Сали. — Пусть. В следующий раз».

XVI.

Готовые кирпичи занимали почти весь двор. 16 тысяч желтопузиков, пригревшихся на солнце. Утренние кирпичи к вечеру переворачивали на ребро, затем складывали тоже ребром, для проветривания, друг на друга. Когда кирпичи полностью набирали прочность, их заносили внутрь фундамента и складывали в призмы по тысяче штук, для удобства учета. Сали месил глину, Генка набивал форму, Кузьма ее относил. Михаил Артемович клал стены и уже вывел кладку до уровня груди. Ада готовила и подносила раствор. Это называлось разделением труда на высокой научной основе. Работа шла четко и слаженно, как на настоящем производстве, где действует конвейер.

Вдруг пришла Мила. Она опоздала, но была в рабочей одежде.

— К нам гостья! — громко объявил Кузьма. — Из всех шедевров мировой живописи на меня самое сильное впечатление производит полотно Рембрандта «Возвращение блудного сына». Оно хранится в Эрмитаже.

— А про дочь — это уже «Кающаяся Магдалина»? — спросил Сали.

Мила густо покраснела. «Я не гостья», — сказала она.

— Кузьма, зачем ты так? — сказал Михаил Артемович. — Людмила просто была занята.

— Конечно... Мы с мамой белили.

— Вот видите.

— Сколько кирпича! — уже восхищалась Мила. — И это все вы, да?

— Под руководством патриота кирпичного производ-

ства Геннадия Павловича,—сказал Сали.—Познакомься.
— Не болтай, — сказала Мила.

«А Михаил прав,—подумал Кузьма.— Она пришла, ее потянуло к нам, хотя ее и не звали. Вообще не было напоминаний. Ей надоело быть в стороне. И не надо ставить ей в вину то, что она не сразу загорелась. А белиль — мать у нее белила».

— Мила, становись на подмогу!— позвала Ада. И Мила совсем воспрянула духом. Ее больше не звали отступницей, ее вообще ни в чем не обвиняли. Намекнули, правда, что она несолидно себя вела, и все. После обеда и Ада взялась за мастерок, кладя внутренний, менее ответственный ряд. Сали смотрел на ее проворные руки и думал, что скоро, когда последние из двадцати пяти тысяч кирпичей лягут спинами к солнцу, он встанет рядом с Адой на упругие березовые подмости и кирпич за кирпичом доложит стену. А если Ада не захочет расстаться с мастерком, он согласен подсобничать и подавать ей кирпичи и ведра с глиной. Неважно, кто из них будет мастером, а кто подмастерьем. Важно, что в сентябре или в конце августа Прокудин справит новоселье, и Лиля перестанет дышать нездоровым воздухом Салара. Важно, что они доведут до конца дело, начатое с таким энтузиазмом и вытеснившее из их жизни и Таларык, и горы, и бесцельное шатание по вечерним улицам.

За столом Сали теперь садился рядом с Адой. Как бы заставлял ее привыкнуть к мысли, что возле нее должен быть он. И Ада принимала это как должное. Если раньше это несколько тяготило ее и даже казалось покушением на независимость, то теперь она перестала относиться к Сали настороженно и ее замкнутость медленно перерастала в доброжелательность. Идти с ним в кино она не соглашалась по-прежнему, но было теперь

в ее отношении к нему больше тепла и внимания. Сали воспрянул духом и еще азартнее месил глину. Теперь и он позволял себе некоторые знаки внимания. Подавал Аде хлеб, наливал чай, и Лиля смущенно ему улыбалась — не потому, что он делал это за нее, а потому, что ей нравилась его мальчишеская влюбленность в Аду. Однако все то, что они должны были сказать друг другу, и все то, что должно было привести их к этому разговору, было еще впереди, и пока что их диалог состоял только из коротких вопросов и ответов с недомолвками, значимость которых никому не бросалась в глаза. «Так и надо, и пусть,—думал Кузьма.—Я ведь тоже этого хочу. Главное, я тоже хочу этого. Плохо только, что я хочу этого умом, а не сердцем, что я приказываю себе хотеть этого. Сердцем я этого не хочу. Так как же, хочу или не хочу? Принимаю или не принимаю? Запутался, много философствую. Все просто, а я нагромождаю горы тарабарщины. Ада и Сали, и точка. Все очень просто».

XVII.

Дед поручил Генке обработать сад ядохимикатами. Сали уехал в Ангрен, где должна была состояться матчевая встреча боксеров. Мила тоже не пришла. Михаил Артемович отправился дежурить на склад. Обещали привезти строганные доски для пола, прозевать которые было никак нельзя. Лиля пошла в диспансер на очередной осмотр. И случилось так, что Кузьма и Ада приступили к работе вдвоем. Кузьма подсобничал, Ада выкладывала стену на трехметровой высоте. Оставалось закрыть оконные проемы деревянными перемычками, доложить восемь рядов и выпустить карниз.

— Трудовая вахта, салют! — сказала Ада. — Если хочешь, давай, ты будешь класть, это интереснее.

— Испорчу,— сказал Кузьма.

Его вполне устраивало быть при Аде подсобником. У него тревожно билось сердце. Он давно мечтал о таком дне, когда останется наедине с Адой. Безразлично, при какой ситуации. Хоть в горах у костра, сыплющего оранжевыми искрами, хоть на этих скрипучих подмостях. Теперь это сбылось. Он знал, что это будет длиться один короткий день, что завтра и послезавтра этого уже не будет, и поэтому волнение, захлестнувшее его, мешало ему быть самим собой и говорить о вещах, которые он давно обдумал и о которых ему хотелось говорить с Адой.

Поспешно замесив глину и наполнив раствором ведро, он понес его к подмостям, поднял двумя руками и поставил на доску, прогнувшуюся под такой тяжестью. И тотчас стал подавать кирпичи, быстро, кирпич за кирпичом, как будто так сегодня надо было работать. Ада улыбнулась, и он, на бегу схватив ее улыбку, еще более заторопился, не совершая, однако, в спешке никаких оплошностей. Этот день никогда, никогда не повторится.

— Ты чего? Я так не успеваю,— остановила его Ада.

Она успела бы, если бы захотела, но это был очень быстрый, изматывающий темп. Кузьма подчинился. Надо было сказать что-то в свое оправдание, но он ничего не сказал. Комплимент не годился. Что-либо смешное тоже бы не прозвучало. Разговора не получилось никакого, ни умного, ни глупого. Да, не так-то легко разговаривать с девушкой, которая прочно обосновалась в твоём воображении. Вот и Сали молчит с Адой. Наверное, существует какая-то черта, за которой все получится. А до этой черты мешают и скованность, и неверие в себя, и боязнь все испортить неловким поступком.

Ада уже выложила два ряда — на это ушло шестнад-

цать ведер раствора. А сколько кирпича? Он не считал. Сегодня это было бы глупо. «Все-таки она симпатизирует мне,—думал Кузьма, наполняя глиной очередное ведро.—В ее поведении ни тени настороженности. Она чувствует, что у меня что-то есть к ней. Она должна это чувствовать, и она чувствует. Она выглядит сегодня какой-то озаренной. Словно проснулась в очень хорошем настроении. Что, если все это потому, что мы с ней вдвоем? Дурацкая мысль. Но от нее хочется запеть».

— Посидим, в смысле перекура?— сказала Ада.— После двух рядов Михаил Артемович всегда объявляет перекур.

Они присели. Ада закачала в примус воздух, зажгла горелку и поставила чайник. Правильно. Старику не понравится, если он увидит, что они стесняются. «Сали в Ангрене»,—сказал Кузьма, томясь этим долгожданным днем.

— Знаю,— ответила девушка, и Кузьме показалось, что она недовольна напоминанием.

Он замолчал, молчание получилось тяжелое. «Говори,—приказывал он себе,—говори о чем хочешь. Но только говори. Не будь лопухом. Ребенок бы нашел, о чем говорить. Смешно и невыносимо — молчать, когда пробил час».

— О чем ты сейчас думаешь?— спросила Ада.

Взяла и спросила, просто, как об обычном. Впервые он так близко увидел ее глаза — пытливые, почти карие, но с оттенками изумруда и мягкой позолоты. Он не выдержал ее взгляда. Замешательство, охватившее его, было слишком велико, чтобы ответить так же просто, как прозвучал вопрос.

— Не знаю,— сказал он. — О многом, но все это разное. Иногда о маленьком, о своем, а иногда о всей планете. Ты хочешь, чтобы я рассказал?

— Нет,— смутилась она, и не понял, что она хотела этого.

Но из хаоса, который был в его голове, он не мог извлечь внятных мыслей. «Сказать, что она мне нравится», — совершенно неожиданно обожгла его мысль. Это было дико и страшно, и он покраснел и, поднявшись на корточки, немного, на самую малость, отодвинулся от девушки. Она заметила это невольное движение, и что-то в ней погасло. Он видел, как в ней что-то погасло, уловил легкую тень, скользнувшую по ее лицу. Так обрывается неумело настраиваемая струна. И пусть обрывается, все это должно в нем погаснуть. Да, камнем преткновения был только Сали. И, в то же время, Сали был непреодолимым камнем преткновения. «Подлости не будет», — сказал себе Кузьма и вытер пот со лба.

— А с Милой ты теперь не дружишь, — спокойно заметила Ада. — Почему?

— Мы с ней даже не ссорились. Знаешь... ну, бывает, что человека не влечет к другому человеку. И ничего тут такого нет, и жалеть не о чем. Мне как-то сразу сделалось с ней неинтересно. Наверное, потому, что одно время я много думал о ней. Потом это прошло.

— У меня еще не было друзей, — сказала Ада.

Кузьма уловил сожаление. Он хотел сказать ей о Сали и о том, как много она для него значит, но не сказал. Во-первых, она это знает. Во-вторых, эти слова не для его уст, вернее, не для такого момента.

— Кажется, Лиле немного лучше. Тебе не кажется? — сказал он, не желая касаться иных, относящихся только к ним двоим, вещей.

Ему представилось, что он, как корабль, обходит мели и рифы, маневрирует и маневрирует, хотя море спокойно и нет видимой опасности. То, чего он мог сейчас коснуться и что непрерывно чувствовал в себе, осталось

обойденным. Что ж. В этом есть свое очарование — очарование невысказанности.

— Лиле лучше, — сказала Ада. — Знаешь, ее очень воодушевляет этот дом. О таком лекарстве не прочтешь ни в одном медицинском справочнике. Рентген подтвердил затухание процесса.

— Я рад за нее.

— Она нравится Генке?

— Нравится, — помедлив, сказал Кузьма. — Но, знаешь, трудно проникнуть в чужую душу. Дед привил Генке слишком практичные взгляды на жизнь. И это меня беспокоит. Хотя, может статья, мне как раз не хватает его практичности. Я замечаю — не хватает. Ему нравится Лилия, а Сали нравишься ты.

Ада покраснела, и Кузьма покраснел.

— Гонг. Продолжим, — сказала она, смотря мимо него. Она замыкалась в себе, и Кузьму пугала ее строгость. Ничего. Зато он не совершил подлости. Теперь они работали быстрее, изматывая себя. Лилия вернулась к обеду.

— Какие вы серьезные, — сказала она, излучая бледную улыбку. — Почему, если не секрет?

— Потому что нас двое, — сказал Кузьма. Ада не повернула головы.

— Чем же мне вас кормить? — Лилия размышляла вслух, у нее было хорошее настроение. — Борщи мои уже приелись. Для котлет нужна мясорубка. Ада, подкажи.

— Суп-шурпа — твоё коронное блюдо.

— Ура! — Лилия напоминала девочку-подростка, переросшую сверстниц, но не утратившую детской непосредственности и детского восприятия жизни.

Она поправляется, подумал Кузьма. Значит, в диспансере ее обрадовали. Он подал Аде очередное ведро

раствора. Замесил еще глины. Стал класть на подмости кирпич, под левую руку Ады, чтобы она брала не глядя. Усталости не было, было огромное желание работать и заслужить улыбку Ады. Подав еще одно ведро раствора, он подумал, как хороша была Ада в спортивном зале. Через год или два ее будут фотографировать для иллюстрированных журналов. А что? Подумав об этом, он увидел в себе нежелание, чтобы Аду фотографировали для иллюстрированных журналов. Чтобы вся страна видела ее в спортивном трико. Словно в этом было посягательство на что-то, принадлежавшее только ему. «Она вот спросила, о чем я думаю, — вспомнил он. — Что было бы, если бы я сказал? И что ответил бы я сейчас, если бы она вновь спросила об этом? Опять ничего? Да, опять ничего. Не скажу же я, что неделю назад мы смотрели, раскрыв рты, как она тренируется. Восторгались ее чувством ритма, собранностью и отточенностью движений. И что я не хочу, чтобы ее фотографировали для иллюстрированных журналов».

Он поставил на подмости новое ведро раствора, и цепкие пальцы Ады, перехватывая ручку, скользнули по его ладони. В этом не было ничего особенного — и в то же время было. Их взгляды встретились. В ее глазах опять заметалась позолота. «Осенние листья», — мелькнуло у него. Он тут же не согласился с этим определением, но у него не было времени, чтобы поправить себя и найти новое, более точное. Он счастливо улыбнулся, как мальчик, которого похвалила строгая учительница. Напряжение упало, на душе сделалось хорошо и спокойно. Как после забега на длинную дистанцию, когда линия финиша позади и сомнение, выдержи ли, перестает мучить.

— Шурпа на столе! — звонко, как в поле, позвала Лиля. Ада обняла ее.

— Теперь бы тебе к морю, месяца на два!

— Что ты, здесь лучше.

Сейчас она не хотела к морю.

Взяться за кладку карниза Ада не решилась. Пусть Михаил Артемович сам. Но восемь выложенных ею рядов были очень хорошей выработкой. «Мы нынче молодцы», — объявила она. И, спустившись напиться, долго смотрела на свое отражение в ведре воды.

Приехал Прокудин. Доски разгрузили в несколько минут. Ада попросила его показать, как класть карниз. К закату солнца карниз со стороны фасада был готов — еще пять рядов, самые красивые.

Начали сгущаться сумерки.

— Проводишь? — спросила Ада.

Кузьма почувствовал себя на зыбком гребне волны.

XVIII.

Сумерки надвигались исподволь. Надвигающаяся темнота была пропитана теплом воздуха, не успевшего стать прохладным. Между деревьями сновали летучие мыши. Замерцала первая звезда.

— Ты сильно устал? — спросила Ада.

— Нет, как обычно.

Он устал сильнее, чем вчера, и в то же время говорил правду. Нервное напряжение мешало чувствовать усталость. Напротив, ему казалось, что он мог бы подавать Аде раствор и кирпич всю ночь и весь следующий день, и еще ночь и день, и это не свалило бы его с ног.

— Тихий вечер, — сказала Ада. — Вечер, когда загадываются желания. Ты не находишь?

— Нахожу.

«Взять бы ее под руку, — подумал он. — Я еще нико-

го не брал под руку. И Милу не брал. Только один раз, когда мы переходили улицу и показалась машина. Потом сразу отпустил. Вечер, правда, располагающий. А где-то в Ангрене на ринг выходит Сали, и сотни шахтеров криками подбадривают его противника. А Сали спокоен, верит в себя и готов ринуться в атаку».

Ада шла медленно, как будто улица была аллеей парка. Она не торопилась. И Кузьма никуда не торопился. Плохо было только то, что даже и такими медленными шагами они должны были скоро подойти к ее дому. И то, что это не повторится ни завтра, ни послезавтра — никогда, и было плохо.

— Ты скоро получишь мастера? — спросил Кузьма.

— Не знаю. Это моя мечта. Может быть, через два года.

— Нет, раньше.

— Спасибо за доброе слово, но я не уверена.

«Адка!» — вдруг мысленно назвал он ее. И испугался. Как будто молча произнесенное слово было кощунством. Но повторил еще раз с тайным наслаждением: «Адка!» Повторил раздельно, по слогам. Пропел. Может быть, это позволит преодолеть существующую между ними стену. Ничего подобного, стена не преодолевалась. Некоторое время они молчали, шли в ногу и почти касались друг друга плечами. Потом она сделала глубокий вдох и спросила:

— О чем ты сейчас думаешь?

Спросила как днем, с теми же интонациями, с тем же затаенным ожиданием ответа.

— О тебе, — сказал он прежде, чем подумал. — Надеюсь, это не странно?

Он посмотрел на нее испуганно и увидел, что она ждала такого или примерно такого ответа. Она принимала его как должное. Это было невероятно, но она

принимала его как должное. На ее лице вспыхнула улыбка и тотчас растаяла, уступив место другим чувствам, одним из которых, вероятно, была мысль о Сали.

— И что ты обо мне думаешь? — спросила она. — Что я гордячка? Или что-нибудь еще?

— Что ты, Адка! — сказал он. И стал поправляться. — Совсем нет, совсем нет. Я думал о том, какая ты красивая. И о том, что ты особенный человек. Может быть, не для всех, но для меня и Сали — да, особенный. Прости, что я говорю об этом.

— Значит, я Адка?

— Да. То есть, нет. Нет, да.

— Я этого не заслуживаю, — сказала она с завидным спокойствием.

Ей, однако, было хорошо, и Кузьма угадывал, что ей хорошо, и что в том, что ей хорошо, он играет большую, возможно, главную роль. Ему трудно было сойтись с мыслями.

— Ты думал серьезно о профессии? Идем со мной в геологи, — предложила она. Тон ее голоса выдавал заинтересованность.

«И она меня уговаривает, — удивился Кузьма. — Да я согласен, тысячу раз согласен!» И тут его опять обожгла мысль о Сали. Где-то в Ангрене на ринге под яркими лучами прожекторов Сали получает и наносит удары, и, может быть, мысль об Аде помогает ему выстоять. Заставляет держаться, хотя руки налились предательской тяжестью. Он не должен идти на это. Это измена. Но... Нет, любые «но» здесь неуместны.

— Не знаю, — сказал он. — Я, все-таки, стану строителем. Пока я не знаю, но...

— Ладно, — сказала Ада и ускорила шаг. — Все это не так скоро. И потом, разве важно, кем будешь

ты и кем буду я. Главное, чтобы мы... чтобы мы помнили друг о друге и оставались друзьями.

«Она считает, что сейчас мы друзья, — мелькнуло у него в голове. — Вернее, она хочет, чтобы мы были друзьями. И я хочу, а я не должен хотеть этого. И я сделаю то, что должен сделать, а не то, что хочу. И буду злиться, но это ничего не изменит. Я все равно сделаю то, что должен сделать».

— С тобой хочет дружить Сали, — сказал он.

— Знаю, — вздохнула Ада. — Сали хороший парень. Можешь передать ему после приезда, что он хороший парень, — в ее голосе был вызов.

«Ты этого хотел, — думал Кузьма. — Ты ведь хотел проводить ее домой. Ты больше всего на свете хотел этого. И ты не скажешь об этом Сали, и она не скажет. Но... ты ведь мечтал, что это будет не так. То есть, что тебе не будет трудно и не придется обуздывать себя. Мучайся, это и есть жизнь. Зато Сали никогда не подумает обо мне плохо, у него не будет для этого причины. Он — друг, и я должен, обязан защитить его от себя».

— Почему вы не дружите — спросил он. — Сали всегда от тебя в таком восторге. Все Ада и Ада. Спит и видит тебя во сне. Просыпается — его первая мысль о тебе.

Теперь ему стало не хватать воздуха.

— Не надо, — тихо сказала она. — Я это знаю, но не надо.

«Она думает обо мне, а я этого не принимаю, — сказал он себе. — Не принимаю. Хочу принять, но не принимаю. И это честно. Черт, как тяжело. И оставить это на будущее и не решить сейчас тоже тяжело. Неужели всегда жизнь взрослых сопровождают такие сложности?»

— Совсем темно, — сказала Ада. — Тебе никогда не

приходила мысль, что где-нибудь на земле живет твой двойник?

— Нет, что ты.

— А я, когда думаю о своем двойнике, открываю себя. Смотрю на себя со стороны, пристально-пристально, и выношу приговор своим желаниям. Одни оставляю, другие вычеркиваю, с жалостью или без.

— Знаешь, вычеркни меня.

— Воспользуюсь добрым советом.

Он почувствовал горечь ее слов. «Кажется, все личное теперь позади, — подумал он. — Жалко. Броситься бы в этот водоворот, и пусть мчит и вертит. Она, Сали и я. Я — нет. Она и Сали. Я был на шаг от подлости. Прыжок в этот водоворот, и на берег можно выйти только подлецом».

— Генка и Лиля пойдут на московскую эстраду, — сообщила Ада. — Не знал? Она сказала по секрету.

— А Генка не сказал.

Он даже не остановился мыслью на этом факте. Генка все расскажет завтра, делиться тайнами для него наслаждение. Одного он только не скажет — серьезно ли у них это. А кто вообще знает, что в жизни серьезно и что — нет? Опомнись. Так можно катиться и катиться.

Над одноэтажными домами нависла громада дома, в котором жила Ада. У каждого из людей, живущих за этими светящимися окнами, была своя судьба, но в этой мысли не было ничего нового — так и должно быть.

— Все мы идем в завтра, — сказала Ада. — Ну, вот я и дома.

— Да, — сказал Кузьма.

«Прощайся и уйди, — приказал он себе. — Надо сказать: «Ада, мне пора». Набраться смелости и сказать».

— Во дворе есть скамейка, — сказала девушка.

— Ага.

Они подошли к скамейке и сели. Черные кроны деревьев создавали непроницаемую завесу. Кузьма подумал, что если сейчас он протянет руку, в его руке окажется рука Ады. Возможно, на всю жизнь. Одно небольшое движение.

— Мне как-то беспокойно, когда ты молчишь, — призналась Ада. — Мне кажется, что ты сердисься, что тебя многое мучает, а виновата я.

— Нет, нет! Чтобы на тебя сердиться, надо потерять голову.

— Тогда не молчи. Расскажи, какое событие в твоей жизни оставило самый глубокий след. Мне интересно.

«Этот вечер, — сразу подумал он. — След от него будет самый глубокий. Но Аде надо сказать о другом событии. О каком? О похоронах отца Сали? Это было давно и уже сгладилось. И, потом, это грустно. О доме, который мы строим старику?»

— Дом, который мы строим.

— Правда?

— Правда. Все другое еще было детством.

— Знаешь, я с тобой согласна. Только ты не смейся. Благодаря этому дому мы как-то повзрослели. Вот и вас уже не тянет на Тал-арык. Разве не так?

«Если я протяну руку, все изменится. Она даже не испугается, и, конечно, не отпрянет. Черт, знать все это и бездействовать. Потому что так надо. И всю жизнь, всегда кому-нибудь будет надо, чтобы я чем-то жертвовал. И я буду жертвовать чем-то, возможно, самым для меня дорогим. Так будет надо. Потому что я живу не один».

— А что неизгладимо в твоей памяти? — спросил он.

— Четыре года назад я смотрела первенство страны по гимнастике. Во дворце спорта «Ёшлик». Выступала Кучинская. Она привела меня в гимнастику.

— У тебя хорошие задатки.

— Я слыхала, ты стихи пишешь. Почитал бы.

Она сказала об этом как об известном.

— Даже не пробовал! — загорячился он. — Вот уж вздор. Кто-то наплел. Кто? Не Генка?

— Не пишешь стихов? Только, если пишешь, стесняться здесь нечего. — Она вздохнула и откинулась на спинку скамейки.

— Тебе когда семнадцать? — спросил Кузьма.

— Через два месяца.

Он увидел, что может не сдержаться и обнять ее, и тогда все пропало. «Надо сказать, что мне пора. Пусть невпопад, но надо. Иначе я протяну руку. То есть... нет, пора. Так скажи ей это, — внушал он себе. — Встань и скажи. Пусть это будет глупо и невежливо, но это надо сделать сейчас».

— Ада...

— Может быть, завтра в кино? — предложила она.

Опять пришло это мерзкое ощущение — ощущение бессилия, которое нельзя преодолеть.

— Когда вернется Сали, — сказал он с расстановкой.

Из ее улыбки исчезли оттенки мечтательности. И сама улыбка погасла, уступив место глубокому раздумью. Кузьма привстал. Ему было мучительно стыдно.

— Тебе, наверное, пора идти, — догадалась девушка и встала. В ее глазах был укор. — Иди, иди. До свидания. Спасибо, что проводил. И спасибо, что ты... верный товарищ.

— До свидания, Ада! И тебе спасибо.

Он не сказал, за что, об этом нельзя было сказать словами. Стремительно обнял ее за плечи и тотчас отпрянул. Его руки скользнули по ее рукам, даже не восприняв их теплой упругости.

— Спасибо, — сказала она тихо, вдогонку. Он не услышал.

ХІХ.

Ему нестерпимо хотелось вернуться, и если бы за углом ее дома он перешел на шаг, он бы, пожалуй, остановился и вернулся. Поэтому он бежал и бежал, задыхаясь от бег. И хотя там, где за черными деревьями стояла скамейка, было совершенно темно, он ясно представлял и скамейку, упирающуюся спинкой в толстый ствол клена, и на скамейке силуэт девушки с низко опущенной головой. Силуэт Ады. Прежде всего, следует прийти в себя. Сначала убавить, потом погасить это пламя. Как оно регулируется?

Кузьма остановился у водопроводной колонки. Тяжело дыша, наклонил голову под струю. Прохладно, хорошо, но до спокойствия далеко. Тут ничего не сделаешь, надо ждать, когда это кончится само. Домой! Назад было нельзя, он прекрасно понимал это. «Она еще там, на скамейке, и не поздно вернуться, — наперекор его решению мучила и мучила мысль, заставляла в сотый раз хватать себя за шиворот. У него есть друг, которого зовут Сали и который будет нравиться Аде. И точка».

Дома он удивился тишине пустых комнат. Да, отец с матерью ушли в гости, они говорили. Как это кстати. За два часа, оставшиеся до их возвращения, он отдохнет и придет в себя. И они ничего не увидят. Он почувствовал, как сильно устал. Сильнее, чем в любой из предыдущих дней. Пока рядом была Ада, усталость

пряталась за нервным напряжением, а теперь валит с ног и хочется лечь на холодный пол. Но он не ушел в сад и не лег на раскладушку, а включил лампу и сел за свой письменный стол. Он знал, что сегодня уснет не скоро. Хорошо, если он уснет в два, а не в четыре. Этот день никогда не повторится. И этот вечер не повторится. Ада, лучшая девушка на свете, предлагала ему свою дружбу. А он сделал шаг назад. Но это не был трусливый шаг. И ни Сали, ни Ада не узнают, каких усилий стоил ему этот шаг назад. Аде и не надо знать. А Сали? И Сали. Он, можно сказать, превзошел самого себя. И все это останется в нем, потому что это не для постороннего глаза. Он станет вести себя так, как будто ничего этого и не было. Так надо. Обидно, что об этом никто не узнает, но так надо.

«Почему она спросила про стихи? — опять удивился он. — Я их не сочинял, даже про нее. Я никогда не писал стихов. Я не пробовал этого. А она взяла и спросила. Сама решила, что у меня склонность к этому?» Он задумался. Ада и стихи — это так же естественно, как Ада и гимнастика. Именно такие женщины во все времена вдохновляли поэтов. Что, если попробовать? Пусть он не сочинял никогда стихов, но ведь все, решительно все поэты начинали с белого листа бумаги, и у всех были первые, самые первые строчки, до которых не было никаких строк, только желание, чтобы они были. Может, это приглушит нервный озноб. Если получится, стихи как бы станут продолжением памяти. Зеркалом памяти.

Он достал чистую тетрадь и покосился на дверь. «Тишина, одиночество и вдохновение — стихи складываются из этих трех элементов», — подумал он. Было тихо и он был один. И его состояние мало чем отличалось от вдохновения. Такие минуты — самое подходящее для этого время. Потом боль притупляет остроту

ощущений. О чем будут стихи? Чистая страница ничего не подсказывала. Она с одинаковым равнодушием готовилась принять слова прекрасные и слова беспомощные. Конечно, стихи будут о ней. Он стал перебирать в памяти эпизоды, центром которых была Ада. Вот она, единственная из всего класса, решает задачу по тригонометрии, и по партам шелестит вздох облегчения — за эту задачу больше никто не получит двойку. Или у нее самый запоминающийся ответ Прокудину. Что ж, все это правда. Но все это слишком мелко. Страшно мелко. Об этом не пишут стихов, об этом можно сказать и не стихами. Есть ведь более высокие вещи, надо только подняться до них. Стихи о том, какая Ада хорошая девочка и хорошая ученица — глупо и пошло. Сколько, все-таки, побочных, мешающих мыслей! А если описать то, что они увидели в окно спортивного зала?

Смутная улыбка, синее трико...

Совсем не то. У нее было напряженное лицо, никакой смутной улыбки. Может, лучше написать о том, как они сегодня работали? Смутная улыбка — как безвкусно. Нет, лучше про сегодняшний вечер. Они идут не спеша, вокруг ночь, и он должен уберечь себя от предательства. И он в конце концов говорит «нет», оно звучит достаточно твердо. Потом он будет этим упиваться, как подвигом.

Я стою, и ты стоишь напротив...

Он остановился. Стал подбирать рифму: напротив — котик — наркотик — на работе. Он комбинировал слова и предложения, но ничего не клеилось. Получалось что-то легкое и фrivольное, совсем не то, что было и что должно получиться. В голове мелькали десятки,

сотни слов, но все это было как вихрь — обрывки, намеки, неизменно возвращавшие его к отправной точке. Полная беспомощность. Что ж, он и не думал, что поэтам легко даются стихи. И так, я стою, и ты стоишь напротив. Великое противостояние. Смех. Ведь было совсем не то. А если взять Аду одну, после того как он ушел? Она замкнулась в ночной тишине, ее тоже мучают разные мысли. Лежит в своей комнате, ведь ей ни к чему расспросы бдительных родителей.

Ты лежишь, потушила люстру.
Руки за голову, в замок.
За окном что-то жалостно хрустнуло...

Она может лежать совсем не так. И неужели слышно с четвертого этажа, что за окном что-то хрустнуло? Ночью — да. Наверное. Ведь он слышит, как по радио за два километра объявляют: «Поезд Москва — Ташкент прибыл на второй путь». Значит, это не натяжка. Или натяжка? Хрустнуло, хрустнуло... Под стопой неизвестных ног? Стопа — в единственном числе, ноги — во множественном. Типичное несогласование. Как тяжело быть наедине с чистым листом бумаги. Он поправил:

Ты лежишь, потушила люстру.
Пляшут тени на желтой стене.
За окном что-то жалобно хрустнуло
И как крик отозвалось в тебе.

«Стене — тебе». Какая притянутая за уши рифма. Если начать «я лежу», в конце четвертой строчки будет «во мне». Лучше, но банально. Но это поправимо, а сейчас дальше, дальше.

Он? Едва ли. А как похоже.
Встрепенулась и сжалась в комок.
Словно...

Он задумался. «Словно сталью по розовой коже...» Вроде бы что-то есть, но нет впечатления. Нет экспрессии, цельного единого впечатления. Размазня. И Ада скорее смугла, чем белокожа. Не надо придирааться к каждому слову. Нет, очень беспомощно. Или для первого раза ничего? Не бывает скидок на первый раз, бывает хорошо или плохо. В коридоре раздались отрезвляющие шаги. За два часа — два неполных четверостишия. Ничего себе темпы. Кузьма закрыл тетрадь, торопливо сунул в ящик стола. Он никому это не покажет, ни друзьям, ни родителям.

Продолжение было во дворе. Стихи требовали полного одиночества. Он лег. «Словно сталью по розовой коже» — не выходило из головы. Блажь, детская блажь. Бессвязность. Где образ? Где Ада? Тускло подсматривала луна. Мешала. Сегодня мешало даже такое соседство. Он переставил раскладушку — теперь закрывал луну дом. «Словно сталью по розовой коже...» Одолевают ведь иной раз навязчивые мысли. Как раз тогда, когда все навязчивое неуместно. Звезды ничего не подсказывали. И деревья, шуршащие ветвями. В памяти металось: «Словно сталью по розовой коже...». Он не сразу понял, что четверостишия не получится, что он исчерпал себя. То, что он сочинил еще, были только отдельные строки, ничего хорошего. Наконец, все смешалось в хаос, стало колоссальным водоворотом, в котором вращение происходило одновременно и слева направо, и справа налево. Он подумал, что это нелепо, но никак не мог сообразить, отчего же так происходит. Справа налево и слева направо. Странно. «Словно сталью по розовой коже...» Не в свои сани не садись. Помешался он, что ли? А Сали, наверное, победил. Выложился и победил, кирпичи пошли ему на пользу. Хорошо, что он не сделал шага, который бы поставил точку на их друж-

бе. «Словно сталью по розовой коже...» Нет, достаточно. Продолжения не будет. В другой раз. «Спокойной ночи, Ада»,— сказал он вслух. Упруго шелестели ветви. «Спокойной ночи!»— еще раз сказал он девушке. Ему пришлось еще много раз пожелать Аде спокойной ночи.

XX.

— Сали, как?— крикнул Генка, бросаясь обнимать друга.

«Победил,— подумал Кузьма, перехватив его радостный взгляд, разыскивающий Аду. — Победил и не выпался. А я не победил и не выпался. Нет, я тоже победил и не выпался. Нет, я тоже победил — победил себя!»

— Поздравляю,— голос Ады прозвучал приветливо, но лицо ее не осветилось улыбкой. Лицо ее было строгим и напряженным.

— Я был уверен, мне даже приснилось, что судья поднял твою руку. Все как есть приснилось. Твой противник был кудрявым и выше тебя. Нокаут? — спросил Генка.

— По очкам. Он и вправду был кудрявым. Первый раунд прошел жарко, он наседал и наседал. А вначале второго нарвался на встречный прямой. Поплыл и стал держать дистанцию. Вообще он ничего, хороший парень. В гости звал. Мне даже неловко, что я выиграл.

Рассказывая, он пытливо смотрел на Аду, словно спрашивал: «Почему ты такая серьезная? Почему не наградишь хотя бы улыбкой?».

«Я вообще не должен был ее провожать, — подумал Кузьма. — Сослался бы на что-нибудь срочное, отрезал сразу — она бы так не переживала».

— Рад за тебя,— сказал Прокудин. И протянул руку.

Глаза Сали по-прежнему разыскивали Аду. Непроизвольно. «Сейчас он весь как тугая струна, — подумал Кузьма. — Это тяжело, но это и хорошо».

— Победитель, бери носилки, — сказал Генка. — Тридцать тысяч кирпичей пошли тебе на пользу. Благодарю!

Ада и Михаил Артемович поднялись на подмости. Кладки осталось дня на полтора. Материалы для кровли были заготовлены.

— Ада какая-то странная, — сообщил Сали шепотом. — Что с ней?

— Не знаю, — сказал Генка.

— Не знаю, — повторил вслед за ним Кузьма. И покраснел.

— Ее никто не обидел?

— Никто. Работали мы с ней вчера — до вечера. Ей хотелось непременно добить фасад. Уже были сумерки, и я проводил ее, так что ее никто не обидел, — сбивчиво объяснил Кузьма.

Сали не прореагировал. Мысль, что причиной холодности Ады может быть то обстоятельство, что вчера ее проводил Кузьма, не пришла ему в голову. Он даже не засомневался. На миг Кузьма почувствовал ликование: он все-таки поступил так, как должен был поступить. Если бы он поступил иначе, он бы уже был подлецом, а Сали, не зная этого, продолжал бы вести себя с ним как с другом, и это было бы невыносимо. «Словно сталью по розовой коже», — мелькнуло опять. И погасло, в первый раз после мучительной ночи и утра, которое во всем было продолжением ночи.

— Что же тогда? — спросил Сали. — Она здорова?

— Выяснишь в перекур, — сказал Генка. — Мало ли из-за чего мы порой морщим лоб.

— Ген, похвастайся, как ты вчера сходил на концерт, — сказал Кузьма.

— Гм, концерт. Лажа. Конферансье еще стоил того, чтобы на него посмотреть, а остальные были ремесленники. Беленькая одна вышла с песнями — не дошло. Пародист вышел — тоже не дошло. Третий декламировал — тоже не дошло. Ничего не дошло.

— Кожа у тебя толстая, — сказал Сали.

В его словах была инерция прежних подначиваний. Глаза его машинально отыскивали Аду. Он старался впитать в себя ее всю, все то, что было ею: и как она поднимает ведро с раствором, и как выплескивает раствор на стену, и как разравнивает глину мастерком, и как, не глядя, берет кирпич и кладет, принаравливая и пристукивая его так, чтобы он лег не выше и не ниже соседей.

— Дальше, — попросил Кузьма.

— Что дальше? — не понял Генка.

— Ты ведь кое о чем умолчал.

— А... Я ходил с Лилей.

— Расскажи, как ходят под ручку.

— Мы не под ручку, я не решился. Гм... Думаете, это просто? Сали, возьми Аду под ручку, потом расскажешь, легко ли это. Ты скорее сбежишь, чем возьмешь Аду под ручку.

— Мне шестнадцать, а тебе скоро восемнадцать, — резонно заметил Сали. — В восемнадцать я, конечно, буду ходить с девушками под ручку.

— С девушками — согласен, а с Адой — не знаю. Не уверен.

Сали обиделся и замолчал. Сегодня было нужно немного, чтобы его уколоть. Генка понял, что дал маху, и тоже замолчал.

— Что ж ты скрыл про Лилию? — спросил Кузьма.

— Я увидел, что ей хочется, чтобы я пригласил ее куда-нибудь вечером. Ведь ее никто никуда не приглашал.

Генка не торопился сообщить друзьям, что вчерашний вечер был хорошим вечером в его жизни. Он хотел, чтобы и у него была своя тайна.

— О чем шепот? — спросила Мила. — У вас завелись секреты от лучшей вашей подруги?

— Лучшая наша подруга — дотошная девица, — сказал Сали.

— Насчет тебя я в курсе, — отпаривала Мила. — Пока не благоволит. Но жди, надежды юношей питают.

— Науки юношей питают, — с удовольствием поправил Сали. Его глаза по-прежнему были устремлены на Аду. У него было такое выражение лица, как будто он говорил про себя ей нежности, но вдруг увидел, что повторяется, и это его озадачило: он не верил, что запас нежных слов оказался исчерпанным.

— Раствор и кирпич! — скомандовал Прокудин.

И на леса пошел раствор и кирпич. А вскоре Кузьма стал невольным свидетелем разговора между Адой и Сали. В очередной перекур он присел на доски в одной из комнат дома, прислонившись спиной к холодной стене. А за стеной на подмостях сидела Ада. У нее не было настроения спускаться вниз, и Сали поднялся к ней по трапу. Сали сел, скрипнули березовые доски настила.

— Что с тобой? — голос Сали был глух от волнения.

— Со мною ничего.

— Ты сегодня не как всегда.

— Благодарю, ты проницателен. Мне нездоровится.

Кузьма услышал ее вздох и съежился. Как будто

ему за шиворот капнула капля, неожиданная и очень холодная.

— Ада, мы друзья?

Секунды молчания были секундами пытки.

— Друзья. Только не надо звать сегодня меня в кино. И расспрашивать ничего не надо. Обожди немного, я сама позову тебя в кино.

— Хорошо.

— Я рада, что ты победил. Спустись, пожалуйста, вниз. Только не подумай, что мне неприятно твое участие. За участие спасибо.

Сали спрыгнул с трехметровой высоты.

«Пусть у них все наладится, — говорил себе Кузьма и чувствовал навертывающиеся слезы. — Пусть у них все наладится. И не надо думать, что это самопожертвование. Не надо считать себя героем, этим не упьешься. На самом деле все было и будет просто...»

XXI.

— Этот дом наш до последнего кирпичика, — сказал Генка.

— А ничего домик, — согласился Сали.

— Терем-теремок, кто в тереме живет? — сказал Кузьма.

— Что же вы задерживаетесь, все стынет! — Лиля вышла на крыльцо. Новое розовое платье скрадывало ее худобу и придавало румянцу естественный оттенок.

— Цветы забыли, как же мы! — шепотом сказал Кузьма.

Но цветы, букет хризантем, принесла Ада, и Прокудин расцеловал ее, посадил рядом с собой и объявил, что будет за ней ухаживать.

— Мальчики садятся рядом с девочками! — коман-

довала Лиля. — Чтобы все было, как у больших. Где Мила? Она вас не предупреждала?

— Идет! — объявил Кузьма, смотревший в окно.

— В парикмахерской была очередь. Меня не обогнали? Постойте, а как вы входили в дом? — обратилась Мила к Михаилу Артемовичу. У нее была шикарная прическа, и она хотела, чтобы ее прическу оценили все. — Вы пустили вперед кошку?

— Нет, — сказал Прокудин и засмеялся.

— Мила, тебя бабуля в комсомол готовила? — спросил Сали.

— Так принято, балда.

— Папа, открывай шампанское, я хочу выпить. Мы все, все хотим выпить!

Кузьма увидел, что ему досталось место между Сали и Генкой. Три мушкетера. Нет, лучше — три танкиста. И он в центре. Скоро Ада пригласит Сали в кино, во исполнение своего обещания. Ему будет больно. Но ему будет больно в последний раз.

В бокалах запенилось вино. «Как вам нравится учитель, распивающий со своими учениками?» — приосанившись, Михаил Артемович поднял бокал. Он давно не был таким торжественным.

— За то, чтобы в этом доме жили только счастливые люди, — сказал Кузьма. Ему очень хотелось всем, решительно всем пожелать счастья. Чтобы Лиля забыла, что такое туберкулез. Чтобы Ада, наконец, пригласила Сали в кино. Чтобы Генка научился мечтать так, как Сали, и чтобы Сали так же трезво смотрел на жизнь, как Генка. Чтобы Мила... Он подумал, что бы могло сделать счастливой Милу. Она, конечно, не знала этого, но и он — тоже. Но пусть и она будет счастлива — непременно.

Вино было холодное, но от него сделалось тепло.

— Этот дом для счастливых!

Тост скандировали как лозунг. У Прокудина блестящие глаза. Он приготовился говорить ответное слово.

— Прежде всего, огромное вам спасибо, — начал он, медленно подбирая слова. — Спасибо за помощь, она была искренней. Я считал, что буду строиться не меньше года, а справляю новоселье через десять недель. Я счастлив как человек и как учитель. Отзывчивость, доброта — качества сильных людей. Так, дорогие мои.

Он выпил вино, стремительно вышел в соседнюю комнату и вернулся с большой коробкой.

— У меня приготовлены для вас сувениры.

Он протянул Аде часы с браслетом. Генка, Сали и Кузьма тоже получили часы. Мила — вечерние туфли. «Вы не должны были делать этого, — сказала Ада. — Лиле сейчас очень нужно на курорт».

— И она поедет. В Ялту, с первого сентября. На полгода.

Генка пожал Лиле руку. Он сделал это незаметно, и только Кузьма, следивший за всеми одновременно, увидел это радостное движение и подумал, что Генка во все не из-за сострадания приглашал Лилу на московскую эстраду.

— Через год нам предстоит расстаться, — сказала Ада. — Я хочу, чтобы мы всю жизнь были друзьями.

— Я тоже этого хочу! — крикнула Мила.

— Тут и договариваться не о чем, — сказал Генка. — Это подразумевается. Я, например, не представляю, что когда-нибудь разлюблю Сали или Кузьму. Это было бы невероятно.

— И я не представляю! — крикнул Кузьма.

— И я! — Сали, однако, сначала посмотрел на Аду.

— Я часто думаю, как мы встретимся через десять лет, — сказал Кузьма. — В Ташкенте окончательно ис-

чезнут кибитки, вдоль Салара пройдут бульдозеры и сравняют с землей все эти тесно стоящие хибарки, и будет набережная. Мы будем солидными, будем каждый день бриться, и у нас будет самая интересная в мире работа. И вот мы встречаемся. Мы хвастаемся работой, женами, детьми, мы довольны жизнью...

— А встреча через двадцать лет?

— Впереди столько интересного, — сказала Ада.

— А я почему-то не предвкушаю ничего этого, — сказала Мила.

— Встреча через двадцать лет — это все равно, что встреча на новой планете, — сказал Кузьма. — Все вокруг новое, а мы прежние. Только повзрослевшие и поумневшие.

— Эти двадцать лет преобразят мир, — задумчиво сказал Михаил Артемович. — Кое-что выпадет и на мою долю, но не все. В пятьдесят семь, к сожалению, жизнь не так безгранична, как в семнадцать.

— Папа, перестоит плов! — напомнила Лиля.

Прокудин сам колдовал над пловом, приговаривая, что плов — не для женских рук, и плов удался. Он торжественно внес большой черный казан и велел есть так, словно последний ряд кирпича уложен только что.

— Правда, хорошо? — шепнул Сали Аде. — Как буд-то у меня сегодня день рождения.

— Да, хорошо, — Ада рассеянно кивнула.

— Как вы собираетесь использовать две недели до школы? — спросил Михаил Артемович.

— Поход в горы, это уже решено, — сказал Кузьма. — Завтра сборы, послезавтра отъезд.

— Лилия, ты сможешь с нами? Если ничего не нести? — спросил Генка.

— Нет, горы еще не для меня. А вы идите и принесите мне ежа. Ежа легко поймать ночью.

Чай пили на террасе. Был глубокий теплый вечер. Одна из звезд оказалась спутником — она быстро двигалась и меняла яркость. «Здесь у вас будет виноград», — говорил Генка, показывая на пространство перед террасой. — В ноябре я принесу вам два корня муската».

Прокудин кивнул, глаза его лихорадочно светились. Затем он вернулся в дом и вынес Лиле кофточку. Он всегда помнил о ее болезни, память об этом стала чертой его характера. За чаем тоже было сказано много добрых слов. «Насчет гор все железно?» — услышал Кузьма нервный шепот Сали. «Послезавтра утром», — так же шепотом ответила Ада.

«Я тоже пойду в горы, и мне не будет тяжело, — подумал Кузьма. — Сали и Ада — это больно, но это лучше, чем Ада и я».

Провожая гостей, Прокудин поцеловал всех по очереди. Мила ушла первая. Генка остался у калитки с Лилей. Сали тенью скользнул за Адой. Кузьма притаился у черных кустов живой изгороди, чтобы не столкнуться с ними. Ему было нехорошо, но он заставил себя стоять и ждать, пока в ночи не растают их призрачные тени. Пусть. Он ведь сам хотел, чтобы у них все определилось.

XXII.

— Кузьма!

Это Сали. Ему не терпится пораньше. Он и Генку вытащил. И рубашка у него шикарная, магушка побеспокоилась. Торопясь, Кузьма сунул в портфель чистые тетради. Оглядел себя в зеркало. Пушок на щеках довольно выразительный. Вчера, до занятий, можно было бы побриться. Все бы подумали, что он давно бреется.

— Кузьма!

Конечно, Сали не терпится. Сколько впечатлений! У них никогда не было такого хорошего лета. Такого прекрасного лета. Отличного во всех отношениях. Во всех ли?

— Кузьма!

Они обменялись рукопожатиями. У Сали приподнятое настроение. Кузьма не стал искать объяснения. Сали все выложит сам, от друзей у него нет тайн. « У нас утром была прикидка, — захлебываясь, сказал Сали. — Генка выжал болванку семнадцать раз, а я шестнадцать. Я ему на пятки наступаю».

— У мальчика есть сдвиги, — миролюбиво согласился Генка. — Способный мальчик. Особенно, когда к нему счастье приваливает.

Кузьме стало грустно. Ада... Конечно, все дело в Аде. После похода в горы она заметно потеплела к Сали. Но он этого и хотел — разве не так?

— Я не стал брать учебники, — сказал он. — Первый день.

— А Сали по старой привычке прихватил хрестоматию. Самая тяжелая книга. Чтобы уронить, когда учитель будет искать жертву. Сали против такой тишины. Хотя в последнее время его вкусы претерпевают изменения.

— Перестать, — сказал Сали. — А то моя твоя будет мало-мало ребра считать. Мало-мало сверху вниз и мало-мало снизу вверх. Вообще же Генка, ты свинтус. Вчера проводил Лилю и молчок. А за цветами ко мне приходил. Сали, у тебя такие красивые астры. Когда надо, ты умеешь подрулить. Знаешь, чем ты меня разжалобил? Рожей своей. В первый раз увидел у тебя такую рожу. Что ж, цени мое расположение. Лиса ты, Генка.

— Поезд отошел в двадцать два часа, — сказал Генка.

— Она плакала?

— Нет, смеялась.

— Если бы я пошел ее провожать, она бы, конечно, заплакала. Потому что я понимаю состояние человека, который плачет. А до тебя слезы не доходят, можно не стараться.

— Ну, знаешь!

«Им хорошо вдвоем, — подумал Кузьма. — Им всегда было хорошо вдвоем. Отличные парни. Вот меня они никогда не поддевают. Иной раз даже обидно. Как будто я могу быть только серьезным».

— Ты, Ген, особенно не скучай, — сказал Сали. — Я и Кузьма, твои верные друзья. всегда поддержим тебя в трудную минуту.

— Черт! — краснея, выругался Генка.

Они свернули в улочку, ведущую к Салару. Остановились на пешеходном мостике. Вода текла быстро, и, когда на нее смотрели долго, возникало ощущение, что вода неподвижна, а мост уже не мост, а крылатый корабль и несется по морской глади навстречу опасностям. Это была приятная иллюзия.

По Салару плыла бутылка.

— Перескоп вражеской подводной лодки! — оповестил Кузьма.

— Кузьма, ты десятиклассник, — сказал Генка.

— Плевать! Мы ее потопим, — сказал Сали.

Вдвоем с Кузьмой они обстреляли вражескую подводную лодку, но прямого попадания не добились. Сали чувствовал себя отлично. «У него приподнятое настроение, — отметил Кузьма. — А у меня? У меня, что ли, нет? Выходит, я жалуюсь? Судьба, выходит, несправедлива ко мне? Нет. Ничего этого нет и быть не может. Я не могу быть несчастным лишь потому, что Сали любит Аду. И если мне грустно, так это сейчас, а скоро все

пройдет. И у меня сегодня тоже приподнятое настроение. Да, черт возьми!»

Проплыла еще одна бутылка, но снаряды были израсходованы.

— Нечем вклеить, — пожалел Сали.

— Влепи чернильницей и макай у Ады, — посоветовал Генка.

— Через десять месяцев хоть портфелем! — засмеялся Сали.

Они пошли дальше.

— Мальчики, постойте! Постойте, — стуча каблучками, к ним присоединилась Мила. На ее золотистых волосах пылало солнце.

— С праздником тебя, — сказал Кузьма.

— И тебя. Позволь узнать, с каким?

— С первым сентября. Ты не рада?

— Рада, как Сали, — сказала она. — Сали сегодня меня не критикует, он сегодня настроен дружелюбно. Это потому, что вчера Ада пригласила его в кино.

— Наконец-то, — обрадовался Генка.

— Это делает человека менее взыскательным к чужим недостаткам. Ты, значит, еще под впечатлением вчерашнего?

— Мне почему-то казалось, что ты становишься лучше, — сказал Сали. — Процесс самосовершенствования в тебе протекает весьма замедленно.

— Не будем сегодня заводить, — бросил Генка.

Они повернули к школе. Откуда-то из переулков и тупиков выходили аккуратно одетые ребята и девочки. На пионерах алели галстуки. Белые фартуки девочек казались парусами маленьких кораблей, которые наполняет попутный ветер. Гордые мамы вели за руки первоклассников. Малыши на все смотрели большими глазами. «По этой дороге мы проходим в двухтысячный

раз,— подумал Кузьма.— Какой-нибудь двухтысячепервый раз будет последним. И школа станет прошлым, частью детства, которое не возвращается. Как и Таларык».

— Братцы, мне надо сказать первоклашкам приветственное слово! — вспомнила Мила. — Вчера директор обещала. Что им сказать?

— Чтобы учились и слушали старших, иначе их не будут любить, — сказал Кузьма.

— Ты меня прямо тронул! Вообще, ты никогда не принимал меня всерьез.

— Я вовсе не такой серьезный человек, каким ты меня считала.

Они вошли в ворота. Деревья уже роняли листья. Сухие листья громко хрустели, и на них приятно было наступать. Девушки стояли отдельно, ребята отдельно. Мила пошла к девочкам. Ада уже стояла среди них и о чем-то оживленно рассказывала.

— Привет!

— Привет!

«Как все повзрослели» — отметил Кузьма. Кивая направо и налево, прошел Прокудин. У него всегда были безукоризненно отутюженные костюмы, хотя и недорогие.

— Здравствуйте, Михаил Артемович!

Его приветствовали отовсюду. Его любили и потому с ним здоровались задорно и старались попасться на глаза. Он скрылся за тяжелыми дверями вестибюля. На другом конце двора стали собирать первоклассников.

— Ада согласилась сидеть со мной! — сияя, сообщил Сали.

Это была последняя новость, и Кузьма почувствовал мгновенную нехватку воздуха. Сделал полный вдох — мало. Еще вдох — полегчало. «Так и должно быть, —

подумал он. — Словно сталью по розовой коже... Никакой розовой кожи. Детство кончилось. Но мне нравится и будет нравиться думать об Аде. И пусть. Что-то мы всегда берем за образец, чему-то всегда поклоняемся. Я взял за образец Прокудина и Аду». Тишину прорезал звонок, первый звонок в последнем учебном году. Один из многих звонков, которым подчинена наша жизнь. За-топали ноги, зачастили голоса.

— Пошли! — сказал Кузьма. И увидел, что прямо на него падает, кружась и переворачиваясь, большой желтый лист, скрюченный в форме кораблика. Ему вспомнилось: «В флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса». «Мои паруса подняты», — сказал он себе. Ему очень хотелось быть уверенным в этом.

Уз2
Т 23

Татур С.
Тал-Арык остается в детстве. Повесть.
Т., «Ёш гвардия», 1974.
120 с.

Уз2

**Для старшего школьного
возраста**

Сергей Петрович Татур

ТАЛ-АРЫК ОСТАЕТСЯ В ДЕТСТВЕ

П о в е с т ь

Редактор И. Рогов
Худож. редактор К. Назаров
Художник В. Кайдалов
Техн. редактор Л. Шишкина
Корректор З. Наджатова

Сдано в набор 21/XII-73 г. Подписано в печать 29/IV 1974 г. Формат 70×108¹/₃₂. Печ. л. 3,75. Усл. печ. л. 5,25. Уч.-изд. л. 5,09. Тираж 60000. Договор 64-70. Цена 26 коп.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Ёш гвардия», Ташкент, ул. Навои, 30.
Типография издательства ЦК КП Узбекистана, Ташкент, ул. «Правды Востока», 26.
Заказ 55. Бумага № 1. Р 11144.

0-7-6-3 — № 153
Т-М-356-06-74 80—74

26к

